

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**НАРОДНО-РАЗГОВОРНАЯ И ДИАЛЕКТНАЯ
ЛЕКСИКА В ПОЭМАХ**

И. ГРИГОРЬЕВА «ОБИТЕЛЬ» И

И. ЧЕРНУХИНА «БЕЛ-ГОРОД»

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.03.01 Филология, профиль Отечественная филология
очной формы обучения, группы 02031508
Кириченко Юлии Сергеевны

Научный руководитель
д.ф.н., профессор
Кошарная С.А.

БЕЛГОРОД 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Территориально ограниченная лексика как объект современной лингвистики	9
1.1. Диалектизмы в системе современного русского языка.....	9
1.2. Этнографизмы как разновидность территориально ограниченной лексики.....	14
Глава 2. Функционально-семантические особенности диалектизмов и этнографизмов в поэмах И. Григорьева «Обитель» и И. Чернухина «Бел-город»	18
2.1. Фонетические, грамматические и словообразовательные диалектизмы в поэмах И. Григорьева и И. Чернухина.....	18
2.1.1. <i>Фонетические диалектизмы</i>	18
2.1.2. <i>Словообразовательные диалектизмы</i>	23
2.1.3. <i>Грамматические диалектизмы</i>	27
2.2. Собственно лексические диалектизмы и этнографизмы.....	35
Заключение	66
Литература	71

ВВЕДЕНИЕ

Проблема стилевого статуса художественной речи в структуре функциональных стилей, обусловленности формирования художественного текста при взаимодействии языка и культуры, языка и художественного мышления в современной лингвистической науке считается дискуссионным и приводит к предложенному В.В. Виноградовым понятию «*индивидуальный стиль*», понимаемому как «структурно единая и внутренне связанная система средств и форм словесного выражения» [Виноградов 1963: 105].

В современных работах центральным выступает понятие «*идиостиль*», которое толкуется следующим образом:

- «идиолект известных мастеров слова» [Карасик 2002: 16];
- «совокупность ментальных и языковых структур художественного мира писателя» [Богин 2004: 11];
- «система знаков авторства художника слова», «система доминирующих, лично актуальных способов и средств формально-содержательной и языковой фиксации авторских когнитивных структур, эмоциональных состояний и субъективных смыслов в эстетически направленном речевом произведении» [Четверикова 2012: 31];
- «система логико-семантических способов репрезентации доминантных личностных смыслов концептуальной системы автора художественного текста, объективированную в эстетической деятельности и предполагающую индивидуальную трансформацию языковых выражений» [Пищальникова 1992: 20–21].

В качестве основных аргументов замены понятия «*художественный стиль*» термином «*идиостиль*» сторонники изменений (Л.Ю. Максимов, Н.А. Мещерский, Д.Н. Шмелев В.Д. Бондалетов и др.) приводят факты использования в художественных текстах языковых средств других функциональных стилей и изменения специфики языковой нормы [Воронцова 2009], а потому, согласно Д.Н. Шмелеву, художественный стиль «включает в себя та-

кие средства и способы выражения, оценка которых с точки зрения норм литературного языка явно недостаточна» [Шмелев 1977: 34], в том числе и диалектные единицы.

В этом ключе представляет интерес изучение языковой картины того или иного автора в контексте запечатления в ней не только индивидуального мировидения, но и обусловленных им языковых предпочтений. Исходя из этого, в нашей работе мы обращаемся к творчеству двух авторов, в художественном языковом мире которых диалектная и разговорная лексика занимает особое место, несмотря на то что речь идет о поэтических текстах. В объективе нашего исследования – язык поэмы псковича Игоря Григорьева «Обитель» и поэмы белгородского автора Игоря Чернухина «Бел-город», которые анализируются в работе с точки зрения использования лексики ограниченного употребления – диалектизмов и этнографизмов.

Исходя из этого, **объектом** настоящего исследования являются тексты поэм Игоря Григорьева «Обитель» и Игоря Чернухина «Бел-город».

Предмет изучения – диалектная, народно-поэтическая лексика и этнографизмы, функционирующие в указанных поэмах.

Выбор в качестве объекта изучения диалектной лексики и этнографизмов в ткани поэм И. Григорьева и И. Чернухина не случаен. В лингвистической науке проблема диалектных единиц в структуре художественного произведения остаётся активно разрабатываемой. При этом посвященные ей работы таких ученых, как В.Н. Прохорова («Диалектизмы в языке художественной литературы»), Е.Ф. Петрищева («Внелитературная лексика в современной художественной прозе»), П.Я. Черных («К вопросу о приемах художественного воспроизведения народной речи»), О.А. Нечаева («Диалектизмы в художественной литературе Сибири»), базируются на анализе произведений всемирно известных русских классиков XIX – начала XX веков: И. Тургенева, С. Есенина, М. Шолохова. Отечественная художественная литература конца XX – начала XXI вв. изучена недостаточно, отчего создается впечатление, что шолоховская и астафьевская традиция активного использо-

вания диалектной и разговорной лексики в художественном тексте – это ограниченное несколькими именами явление.

Актуальность нашей работы обуславливается прежде всего рядом лингвистических и экстралингвистических факторов:

– современная наука особое внимание обращает на проблему индивидуального языкового стиля в языке художественной литературы, что приводит и к необходимости понимания диалектной лексики как важной составляющей языковой картины автора, эксплицирующей значимые фрагменты мировоззрения авторов;

– псковитянин И. Григорьев и белгородец И. Чернухин были не только носителями русского литературного языка, но и хорошо знали диалектную лексику, поскольку росли в соответствующей языковой среде, позволившей познакомиться с народными говорами в непосредственном контакте с их носителями;

– анализ диалектных элементов в языке двух поэм позволяет выявить индивидуально-авторские различия в использовании территориально ограниченной лексики с выявлением наиболее активных лексико-тематических групп и определить художественную целесообразность их использования и отклонения от литературных норм.

Новизна исследования детерминирована прежде всего тем, что язык произведений данных авторов, в первую очередь их лексический состав, до сих пор остается за пределами лингвистических изысканий ученых. Однако «именно лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым параметрам модели мира» [Топорова 1994: 3] и отражает опыт и систему ценностей человека (Н.Д. Арутюнова, Г.Н. Складревская, Т.И. Вендина).

При этом к обоим авторам, значимым для регионов, которые они представляют, могут быть отнесены слова поэта, писателя, переводчика и публициста Станислава Александровича Золотцева: «Игорь Григорьев заслуживает серьезного и фундаментального исследования, как, впрочем, и целый ряд по-

этов Псковщины и всей России, недавно ушедших» [Золотцев «Зажги вьюгу» – Псков, 2007].

Цель данной работы – сравнительный анализ употребления территориально ограниченной лексики в поэмах И. Григорьева и И. Чернухина.

Цель работы обусловила выполнение ряда частных **задач**:

- выявление содержания понятий «диалектизм», «этнографизм», «диалектная лексика»
- рассмотрение классификации диалектизмов и этнографизмов;
- выявление признаков, позволяющих рассматривать изучаемую лексику как диалектизмы или этнографизмы;
- классификация диалектных единиц, выявленных в исследуемых произведениях;
- выявление сходных и различных черт в употреблении авторами диалектной лексики.

Основные методы исследования:

- проблемный (анализ научно-популярной, справочной и учебной литературы);
- сплошной выборки диалектизмов из текста поэмы;
- описательный;
- аналитический;
- количественный;
- статистический.

Значимость настоящего исследования заключается в возможности использования результатов в практике преподавания ряда лингвистических дисциплин (диалектологии, стилистики, лексикологии) и спецкурсов, посвященных языку художественных произведения, актуальным проблемам социолингвистики, лексикографии, лингвокультурологии и т.д. Материалы могут стать опорой для различных работ, направленных на сравнительный анализ языковых и стилевых особенностей отдельных произведений писателя, а

также могут быть рассмотрены в сопоставлении с произведениями других авторов данной эпохи.

Апробация исследования осуществлялась в ходе выступлений автора на научных конференциях различного ранга, а также в авторских публикациях. По результатам исследования опубликовано 10 работ:

1. Кириченко Ю.С., Кошарная С.А. Диалектизмы и этнографизмы в поэме Игоря Григорьева «Обитель» / Ю.С. Кириченко, С.А. Кошарная // Слово. Отечество. Вера. Вып.2: Материалы 2-й и 3-й Международных научных конференций, посвященных памяти поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева. – СПб, 2018. – С.52-92.

2. Кириченко Ю.С. Грамматические диалектизмы в поэме И.Григорьева «Обитель» / Ю.С. Кириченко // «Вестник СНО НИУ «БелГУ» – 2018. – Вып. XXII. – С. 464–467.

3. Кириченко Ю.С. О функциональных и семантических особенностях диалектизмов в текстах художественных произведений (на материале поэмы И. Григорьева «Обитель») / Ю.С. Кириченко // Казанский вестник молодых ученых. – 2018. –№ 3. – С. 27–30.

4. Кириченко Ю.С. Лексический уровень поэмы И. Григорьева «Обитель» как объект диалектологического исследования / Ю.С. Кириченко // Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: материалы научно-практической конференции. – Севастополь, 2018. – С. 33–38.

5. Кириченко Ю.С. Использование лексических диалектизмов в художественном произведении (на материале поэмы И. Григорьева «Обитель») / Ю.С. Кириченко // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур: VI Международная научно-практическая конференция: Труды и материалы. – Симферополь, 2018. – С. 303–306.

6. Кириченко Ю. С. Лексические диалектизмы в поэме И. Григорьева «Обитель» / Ю.С. Кириченко // Белгородский диалог–2018: Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории. Материалы X Международного молодежного научного форума. – Белгород, 2018. – С. 430–433.

7. Кириченко Ю.С. Диалектная лексика в поэме И. Григорьева «Обитель» / Ю.С. Кириченко // Карамзинские чтения: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Белгород, 2018. – С. 129–133.

8. Кириченко Ю.С. Фонетические особенности диалектной лексики в поэме Игоря Григорьева «Обитель» / Ю.С. Кириченко // Современные достижения и новые направления филологии: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции. – Белгород, 2018. – С. 94–97.

9. Кириченко Ю.С. Словообразовательные диалектизмы в поэме Игоря Григорьева «Обитель» / Ю.С. Кириченко // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. Материалы международной научно-практической конференции. – Белгород, 2018. – С. 123–125.

10. Кириченко Ю.С. Собственно лексические диалектизмы и этнографизмы в поэме И. Григорьева «Обитель» / Ю.С. Кириченко // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018» [Электронный ресурс]. – М., 2018. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – 1450 Мб. – 11000 экз. (URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2018/data/section_35_12868.htm).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ТЕРРИТОРИАЛЬНО ОГРАНИЧЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Диалектизмы в системе современного русского языка

Под основным словарным фондом современного русского языка обычно понимают так называемую лексику «константной социальной ценности» [Жеребило 2012: 39] – общерусские, необходимые в повседневные жизненной практике слова, известные всем говорящим на русском языке и неограниченные территориально, социально, профессионально и пр. Эти повседневно употребляемые слова генетически складывались длительное время в системные группировки – парадигмы:

'Мебель': стол, стул, шкаф, полка;

'Пища': чай, рыба, овощи, мед;

'Цвет': желтый, голубой, белый т.д.

Однако функционирование слов в языке в каждое лингвистическое время находилось в зависимости от определенных социальных факторов:

- административных;
- производственных (профессиональный статус);
- физиологических (гендерный признак);
- образовательных;
- этикетных.

Это привело к разному характеру социализации лексики. Поэтому наряду с общерусской лексикой (согласно территориальному фактору) сосуществует лексика диалектного языка, который состоит из распространенных на определенном географическом пространстве диалектов.

Диалект (греч. *dialektos* 'диалект, говор') – «территориально закреплённая разновидность русского языка, имеющая набор языковых особенностей: фонетических, лексических, морфологических и др. Диалектная речь – бесписьменная устная речь – служит для обиходно-бытового общения сель-

ского населения» [Диброва 2006: 289]. Диалектная лексика – совокупность слов, составляющих специфику словарного состава данного диалекта.

Диалектная лексика, по утверждению многих учёных, отличается от общенародной не только более узким ареалом распространения, но особенностями фонетического, грамматического и лексико-семантического характера. Это заметно, когда диалектизмы становятся компонентом литературного употребления: своей формой (произношением, ударением, словоизменительными особенностями) или семантикой они отличаются от литературных лексических средств. Этому мнению придерживаются Е.И. Диброва, Н.А. Николина, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант.

В основе классификации диалектной лексики лежат диалектные различия. Выделяют два вида диалектных различий: *противопоставленные* и *непротивопоставленные*.

Непротивопоставленные диалектные различия на лексическом уровне – это такие различия, при которых в одном говоре или группе говоров выделяется данное слово с его определенным значением, а в других говорах и в литературном языке нет не только данного слова, но и других слов, которые были бы ему эквивалентны, т.е. полностью совпадали бы с ним по значению и употреблению.

Выделяют следующие причины возникновения непротивопоставленных диалектных различий (по О.И. Блиновой):

1) **внеязыковые**, когда появляется потребность назвать какое-то явление, предмет, реалию, характерные для данной местности. Например, в Томской области развита охота, и в связи с этим появляются слова типа *соболевать*, *белковать*; слова, связанные с лесом: *сорга* («заволоченная чаща леса»), *урган* («тайга»), *карызина* («сосна, выросшая на болоте»). В говорах Владимирской области есть много слов, обозначающих различные участки леса: *болотняк* («лес, растущий на болоте»), *прибрежник* («лес, растущий по берегам рек»); *мишара* («болото, поросшее мхом»), *кочкарник* («болото, покрытое кочками»);

2) **языковые**, когда для выражения какого-то понятия в одних говорах используются специальные слова, а в других говорах и в литературном языке это понятие передается **свободным сочетанием** (*вёдро* – «хорошая погода», *страда* – «время уборки урожая», *вòлна* (южн.) – «овечья шерсть», *работун* – «работящий, хороший человек», *сирён* (Владимирская область) – «первый непрочный наст») или **описательно** (*мордан* – «человек, у которого круглая голова»).

Среди противопоставленных диалектных различий О.И. Блинова выделяет две группы: **собственно-лексические** и **вариантные**.

При характеристике собственно лексических диалектных различий сопоставляются и противопоставляются слова, в связи с чем в лексической системе диалекта выделяются:

а) **синонимы**, или **разнодиалектные дублеты**, – слова, имеющие тождественную семантику при отсутствии общности звуковой оболочки: *петух* – *кочет*, *ковш* – *корец*, *сковородник* – *чапля* – *чапельник*, *рогач* – *ухват*, *квашня* – *дыжик*, *баской* – *красивый*, *баять* – *говорить*; *льдины* – *крыги*;

б) **разнодиалектные омонимы** – слова, имеющие тождественную звуковую оболочку при отсутствии общности в семантике: *пахать* – «подметать пол», *орать* – «пахать» (северо-западные районы); *дворник* – «человек, пришедший в дом жены» (Архангельская область); *терраска* – «женская кофта особого покроя»; *дикарка* – «дикая яблоня»; *дымок* – «гриб-дождевик»; *петушки* – «лисички»; *ляда* – 1) «лес на болотистом месте», 2) «крышка от гребца, хода в подполье или на чердак».

Вариантные диалектные различия основаны на противопоставлении вариантных образований одного и того же слова. В ряду лексических диалектизмов Н.А. Мещерский, Е.И. Диброва, Н.А. Николина, Л.П. Крысин, О.И. Блинова и др. исследователи различают (в зависимости от того, какими особенностями характеризуются диалектизмы (в отличие от литературной лексики, а также по соотношению с формой и значением слов литературного языка) фонетические варианты слова (акцентологические и фонематические),

словообразовательные, грамматические, семантические и собственно лексические.

1. **Лексико-фонетические** диалектизмы отражают нерегулярные (единичные, непредсказуемые) фонетические особенности (*вышня – вишня, дуплѣ – дупло, дражнить – дразнить, завтрик – завтрак*). Иными словами, **фонетические диалектизмы** – это слова, изменившие в диалекте свое фонетическое оформление и отражающие особенности звуковой системы говоров: оканье, яканье, еканье, цоканье, чоканье, шоканье и т.д. Кроме того, фонетические диалектизмы могут отличаться от литературного варианта:

а) **ударением** (акцентологические варианты): *Арбуз – арбУз, тУча – тучА, сОсна – соснА*; владимирские говоры – *жарИть, прИзыв, засУха, пенА*. В одном и том же говоре часто можно встретить слова с разным ударением: *крАсик – красИк* (подосиновик), *вОлжанка – волжАнка* (волнушка) (владимирские говоры);

б) **фонемным составом** или **расположением фонем в слове, имеющим эквивалент в общенародном языке** (фонематические варианты): *сусед* (сосед), *райдуга* (радуга), *страм* (срам), *уваль* (вуаль), *павук* (паук), *сабоги* (сапоги), *вострый* (острый), *аржаной* (ржаной), *калбуки* (каблуки), *вышня* (вишня).

2. **Лексико-словообразовательные** диалектизмы имеют некоторые отличия в словообразовательной структуре по сравнению со словами литературного языка (*гоститься – гостить, лисавка – лисица, пах – запах*). Словообразовательные диалектизмы выявляют по наличию иных, чем в литературном слове морфем: *никчемушный* (дон.) – никчемный, *обвальный* (южн.) – повальный, *чернига* (сев.) – черника.

3. **Грамматические (лексико-морфологические)** диалектизмы – слова, имеющие особенности в своей морфологической структуре. отражают особенности грамматического строя диалектов. Например, имена существительные могут менять свою родовую принадлежность (*красный солнце, весь поле*), число (*жары сильные были*), тип склонения, иметь в косвенных паде-

жах особенные окончания, несвойственные литературному языку (*в погребу, в клубу, в столу* вм. *в погребе, в клубе, в столе*) и т.д.

4. Семантические диалектизмы – это слова, имеющие иное значение, чем в литературном языке (*гарбуз – тыква, добряк – белый гриб*). Семантические варианты по общему лексическому значению совпадают с литературным словом, но отличаются оттенком значения.

Пути возникновения лексико-семантических вариантов слова в говорах разнообразны, но основным, как и в литературном языке, является способ развития разного рода переносных значений:

- *изба* – 1) «часть дома», 2) «комната»;
- *чують* – 1) «воспринимать органом обоняния», 2) «слышать»;
- *желтяк* – 1) «старый переросший белый гриб», 2) «разновидность белого гриба»;
- *столешница* – 1) «крышка стола», 2) «скатерть»;
- *кашенина* – 1) «скошенная трава», 2) «луг после покоса».

5. Собственно лексические – местные названия предметов и явлений, имеющие в литературном языке синонимы (*баской* – красивый, *баять* – разговаривать, *поветь* – сеновал, *дюже* – очень).

Помимо этого, могут быть выделены следующие разновидности территориально ограниченной лексики:

1. Этнографические диалектизмы – названия предметов, явлений, не имеющие аналогов в литературном языке. Это связано с особенностями быта, хозяйства, обрядности в определённой местности. В эту группу слов входят названия жилых помещений и хозяйственных построек, орудий труда, одежды, кухонной утвари, блюд (*понёва* – вид юбки, которую носят замужние крестьянки, *новина* – суровый холст, *туес* – сосуд из берёсты).

2. Фразеологические диалектизмы – это устойчивые сочетания слов, встречающиеся только в говорах (*в добры входит* – *входит в доверие*, *вывести себя* – *устроить свою жизнь*, *завязать голову* – *прекратить предпринимать что-либо*).

3. Синтаксические диалектизмы имеют иную сочетаемость, чем аналогичные слова литературного языка: *жили о реку (сев.) – жили около реки; выйтить на пёнзия (дон.) – выйти на пенсию* и др.

В.Н. Прохорова отмечает, что «подобная классификация языковых элементов диалекта условна, и часто диалектизм не может быть отнесен ни к одной из перечисленных выше групп. Например, такие явления, как стяженные формы глаголов (*он работат, делат, думат*) или прилагательных (*хороша девушка, хорошу девушку*) и т. д., приходится характеризовать как фонетико-морфологические диалектизмы, так как стяжение гласных – явление фонетическое, но характерное только для определенных частей речи» [Прохорова 1957: 7–8].

Однако в данной работе мы будем придерживаться традиционной точки зрения, представленной в работах Н.А. Мещерского, В.В. Колесова, Е.И. Дибровой, Н.А. Николиной, Л.П. Крысина, С.А. Кошарной и др., и анализировать диалектные единицы по их отличительным особенностям, выделяя фонетические, словообразовательные, грамматические, семантические, собственно лексические диалектизмы (к числу последних зачастую относят и этнографизмы). Данные группы слов группируются нами в отдельные кластеры по тематическому принципу (с выделением лексико-семантических групп).

1.2. Этнографизмы как разновидность территориально ограниченной лексики

Этнографизмы являются прямым отражением традиционной русской культуры. Об этом писал в своей книге «Искусство перевода и жизнь литературы» А.В. Федоров: «Особенности каждого языка и выражают, и обуславливают специфические особенности жизни и мышления народа, говорящего на нем» [Федотов 1983: 20]. Родственные размышления были высказаны и Н.Г. Чернышевским: «Состав лексикона соответствует знаниям народа, сви-

детельствует о его житейских занятиях и образе жизни и отчасти о его отношениях с другими народами» [Лихтенштейн 1984: 288].

Согласно словарю лингвистических терминов Т.В. Жеребило, этнографизм – это «название предметов или понятий, характерных для быта, хозяйства в данной местности. Э. не имеет аналогов в литературном языке. Напр., *туес* – сосуд из бересты» [Жеребило 2010: 470].

При этом различаются следующие подвиды этнографизмов:

– 1) лексемы, используемые в языке, принадлежащем определенному этносу и получившие при этом распространение в других языках: *галушки*;

– 2) лексические диалектизмы, употребляемые в определенной местности: *панёва* – разновидность юбки (Рязанская, Тамбовская, Тульская области), *налыгач* – особый ремень или веревка, привязываемые к рогам волов [Жеребило 2010: 470]. Отметим, что диалектизм *панёва* характерен и белгородским говорам.

В учебнике под ред. Л.Л. Касаткина дано следующее определение понятия «*этнографизм*»: «слова, представляющие местные названия предметов, являющихся продуктом человеческой деятельности и известных на ограниченной территории» [Касаткин 2005: 62].

Как полагают исследователи, этнографизмы не имеют и не могут иметь аналогов в литературном языке, так как обозначают реалии, имеющие локальное распространение.

Л.Г. Самотик определяет такие языковые единицы и как **внутренние экзотизмы** – «диалектные слова, обозначающие реалии народного быта, не имеющие всеобщего распространения: *тараи* – 'стеганые или брезентовые сапоги до колен, надеваемые поверх валенок в зимнюю дорогу для тепла или для защиты от сырости на рыбалке' (север Красноярского края); *дипломат* – 'мужское демисезонное пальто городского покроя' (конец XIX – начало XX вв., центральные и южные районы Красноярского края); *колот*, или *барец*, – 'деревянная колотушка, которой бьют по стволу кедра, после ударов которой

спелые шишки падают на землю' (Красноярский край, повсем.)» [Самотик 2012: 437].

Этнографические диалектизмы, заключающие в себе информацию о прошлом, подвергаются классификации по лексико-семантическим группам, выделяемые на основе денотативной функции наименования. Такое распределение основано на анализе внеязыковых критериев, самих реалий жизни, поскольку лексика апеллирует к внешним факторам. Поэтому в национально-маркированной лексике можно выделить две большие группы этнографизмов:

1) **предметная лексика** – этнографизмы, связанные с материальной культурой;

2) **непредметная лексика** – этнографизмы, связанные с духовной культурой.

Первую группу составляют преимущественно названия традиционной русской одежды, посуды, утвари, предметов и способов сельскохозяйственного производства и промыслов, народных обычаев, игр и пр.

Различают **общерусские этнографизмы** (*сарафан, платок, сапоги, косоворотка, треух* ('мужская шапка-ушанка'), *колпак, серп, сноп, суслон* ('укладка снопов на поле') и т.д.) и **территориально ограниченные**, распространённые преимущественно на севере или юге: *рукава* ('женская рубаша, надеваемая под сарафан' – север и центр), *кичка* (юг, центр) и *кокошник* ('головной убор замужней женщины' – север), *косник* ('украшение девичьей косы' – север), *рогач* ('рогатая кичка' – юг), *сорока* ('головной убор замужней женщины' – юг).

Явление, заключающееся в наличии у одного и того же предмета различных номинаций, например, на севере и на юге, определяют как **противопоставленные этнографизмы**: *ухват – рогач* (ямки) (длинная палка с металлической рогаткой на конце, которой захватывают и ставят в русскую печь горшки и чугуны), *квашня, квашонка – дежа, дежка* (посуда для приго-

товления теста), *сковородник – chapelник, цапля* (приспособление для доставания сковороды из печи).

В области духовной культуры также существуют локальные слова, которые относятся к обрядовой и поэтической лексике, социальным установлениям, обычаям. Из **духовных** специфических понятий называют т. н. **русскую ментальную лексику**: *Вера, Воля, Доля, Дом, Жалость, Интеллигентность, Соборность, Терпение, Хлеб* и т.д. Иначе такие слова именуют лингвокультурами [Воробьев 1997] или культурными константами [Степанов 2004].

В данной работе рассматривается по преимуществу предметная лексика ограниченного употребления, функционирующая в поэмах И. Григорьева «Обитель» и И. Чернухина «Бел-город», связанная с материальной культурой и отражающая особенности национального мировидения и регионально отмеченного быта народа.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТИЗМОВ И ЭТНОГРАФИЗМОВ В ПОЭМАХ И. ГРИГОРЬЕВА «ОБИТЕЛЬ» И И. ЧЕРНУХИНА «БЕЛ-ГОРОД»

2.1. Фонетические, грамматические и словообразовательные диалектизмы в поэмах И. Григорьева и И. Чернухина

Одной из особенностей поэм «Обитель» и «Бел-город» является следование авторов наиболее точному отражению действительности, достоверность фактов. Этому служит использование не отдельных элементов диалектной речи, а целой системы лексики конкретных говоров в ее наиболее типичных проявлениях; здесь задействованы все языковые уровни: фонетический, грамматический, словообразовательный, лексический, фразеологический, семантический.

2.1.1. Фонетические диалектизмы

При анализе *фонетического яруса* диалектных включений в тексты поэм возникают некоторые трудности, обусловленные главным образом тем, что текст представляет собой синтез различных языковых стихий, вбирающий отдельные вкрапления живой диалектной речи в художественной ткани произведения. Письменный текст накладывает свои ограничения, связанные с орфографией, зачастую не позволяя выявить какие-либо характерные фонетические особенности. Поэтому можно лишь обозначить некоторые диалектные фонетические изменения (путем сопоставления с литературными эквивалентами), нашедшие отражение в анализируемых поэмах.

1. Диалектные лексемы, отражающие отличия в составе фонем (количественные или качественные).

А) В говорах могут сохраняться архаичные для современного литературного языка формы с *полногласием* или *неполногласием*. В авторском

тексте их употребление отражает стремление создать стилизацию фольклорно-языковой картины мира:

– *власы* («*Посыпать пеплом бы власы / Хозяевам веселым нашим!*» [Григорьев 1990]) – лит. *волосы* – употребление старославянизма с неполногласием свидетельствует о стремлении автора следовать народно-песенной традиции;

– *град* («*Плотнички-работнички / Божие, весёлые, / Ходите, молодчики, / По градам и сёлам*» [Чернухин 2014]) – лит. *город*;

– *ворог* («*Сестра печали, гневный брат, / Бездушен ворог и безбожен*» [Григорьев 1990]; «*Ночевал там ворог злой / На траве береговой, / Прятались разбойнички / В камыше густом, / Осенясь крестом...*» [Чернухин 2014]) – лит. *враг* – здесь вновь наблюдаем отражение авторской установки на включение в поэтический текст элементов фольклорно-языковой картины мира.

Б) Наблюдается *наличие* или, наоборот, *отсутствие палатализации*:

– чередование [г]/[ж] с последующим изменением морфемной структуры слова – упрощением аффикса («*Всех на бюро да припужать / Со сталинской стальной орудьи!..*» [Григорьев 1990]): *припужать* – *припужнуть*;

– чередование [м]/[мл’]: *земь* – лит. *земля* («*И небо – будто смято лесом, / И земь – под громовым навесом...*», «*И земь, любовью повита / Сулила всходы невозможны*», «*Ты трижды земь облобызала / В ногах у Анны*» [Григорьев 1990]; «*Опусти на земь меня. / Час мой смертный рядом... / Береги допрежь коня! – / Брось, Егор, не надо*» [Чернухин 2014]). Чередование [м] // [мл’] обусловлено отсутствием йотовой палатализации. Заметим, что в данном случае возможно усмотреть и факт семантического варьирования, так как говорам известно слово *земь* в значении ‘земляной пол’.

В) Стремлением к упрощению произношения (а диалекты относятся к разговорным вариантам языка) обусловлено возникновение фонетических диалектизмов, отражающих *комбинаторные изменения звуков*. Рассмотрим их разновидности.

1) Метатеза:

– *ведьмедей* («*Ах! Плюхать в вашу отдалёнку: / Боюсь волков и **ведьмедей!***» [Григорьев 1990]) – *медведей*. Если рассматривать диалектный вариант в синхронии по сравнению с современным литературным эквивалентом, то изменением можно полагать диалектный вариант, однако присутствие формы *ведмедь* в украинском языке и целом ряде русских говоров позволяет предположить, что метатеза произошла именно в литературном варианте, а в диалектах сохраняется исходный, древнерусский облик слова, ср.: «**Ведмѣдь**, я, м. Медведь. Медин. Калуж., 1849. Не слышали ль волков, бирюков, *ведмедей*? Калуж. Тул., Моск., Ряз., Пенз., Липец., Ворон., Тамб., Курск. Ну не видал я, бабушка, кажут, сегодня по селу-то водили *ведмедя*. Орл. Бряи., Смол., Дон. Ведмедь силен, а все же кольцо в носу носит. Сев.-Кавк. Гребен. Терек., Куйбыш., Пек., Олон., Казан., Оренб. Смотрю – ведмедь лезет. Урал. Сиб. И с тех пор зачурался на *ведмедя* ходить. Енис. Том., Акм., Фелешт. Молдав., Тифл.» [СРНГ 4: 92].

2) Диэреза:

– *безвѣсно* («*Зима **безвѣсно** замела / Ее заботную головку*» [Григорьев 1990]) – *безвестно* (не известив о себе, не подав вести): [ст]> [с]; отметим также характерный русскому языку, в особенности северным говорам, переход Е в О после мягкого согласного – в данном случае даже на месте бывшего ъ: вѣсть, вѣдать; Безвесный, ая, ое.

– *ишас* («*Да где понять меня тебе: / **Ишас** не скрутит – не восплачешь*» [Григорьев 1990]) – *ишиас*, где *ишиас* – боль в спине, обусловленная поражением или раздражением седалищного нерва, *ишиас* часто называют пояснично-крестцовым радикулитом [Источник: <https://www.tiensmed.ru/news/ishias-ab1.html>];

– *краул* («*Услышал я, узря воочью: / – **Краул**, горим! Проснись: пожар!*» [Григорьев 1990]) – *караул* (выпадение первого из двух повторяющихся в соседних слогах гласных);

– *черёмха* («– Да ты ж *черёмху*, кровосос, / Как фрукту, обложил налогом» [Григорьев 1990]) – лит. *черёмуха* (ср. укр. *черемуха*, *черемха*, *черемшина* – об отдельном кусте);

– *хошь* («*Мы ребята аховы, / Что хошь отбахаем*» [Чернухин 2014]) – *хочешь* (утрачивается безударная гласная в сочетании с предшествующим согласным).

3) Ассимиляция/диссимиляция:

– *нехрещеные* («*Погуляем, / Коней погоняем. / Гостям рёбрушки посчитаем / И поточим секиры о голые / Нехрещёные, бритые головы*» [Чернухин 2014]) – *некрещеные* происходит диссимилятивная замена смычного согласного звука [к] (условная звучность = 1) в положении перед сонорным [р] (условная звучность = 3) на щелевой и менее звучный по сравнению со смычным [х] (условная звучность = 0). Отметим, что говорам в целом диссимиляции более свойственны, нежели литературному языку.

Кроме того, здесь можно согласиться с С.Ю. Дубровиной, которая объясняет подобные лексикализованные факты не только «неустойчивостью смыслоразличительных функций фрикативного [г] в южнорусских говорах и действием оппозиций заднеязычных [г] // [х]; [к] // [х]», но и сближением семантически однородных слов «крест», «креститься» и «Христос», «христосоваться» [Дубровина 2012], ср. также: «*Нехристь объегоря, / Он добыл в бою коня / И увёз Егора*» [Чернухин 2014].

– *трахтур* («*Вчерасть чуть трахтур не утоп / Гляди-ка, не нажить бы худа...*» [Григорьев 1990]) – лит. *трактор*. Подобные заимствованные элементы Н.А. Мещерский выносил за границы диалектной лексики [Мещерский 1972], но, тем не менее, они отражают факт живого произношения заимствованного слова в речи сельских жителей: в данном случае происходит диссимиляция согласных по способу образования (*кт* > *хт*), свойственная диалектной речи.

Г) Имеются факты проявления **фонетического принципа** в отражении на письме звучащей речи:

– *ково* («*А вы? Вы каменная, что ль? / – Ково там каменна – простая*» [Григорьев 1990]) – *кого* (этот пример можно отнести и к семантическим диалектизмам, поскольку слово *ково* (*кого*) выступает в другом значении и замещает наиболее характерную для таких речевых ситуаций лексему *какой*);

– *мово* («*Давай замолкнем – помянем / Мово Сидорку и Тимошу...*» [Григорьев 1990]) – *моего* (кроме того, данный случай демонстрирует явление комбинаторного изменения звуков – характерную говорам утрату интервокального –j- (диэреза) с последующим стяжением гласных: [мьj'и'во] → [м^иво] → [м^во]);

– *плясни* («*Ладно, брось... не отвечай. / Знать и мне не надо... / Ну плясни ещё, поддай / Гришке-конокраду*» [Чернухин 2014]) – *плесни* (на письме отражается характерная черта южнорусских говоров – яканье).

2. Ряд фонетических диалектизмов относятся к акцентным, то есть отличаются от литературных эквивалентов ударением:

– *документ* («*Михей Бабаев, выдвигенец... / Документ личности покажь!*» [Григорьев 1990]) – *документ* (здесь речь идёт о разговорном, просторечном варианте);

– *забрала* («*И вот жена Валька Люсиль / Забрала дочек и – в дорогу*» [Григорьев 1990]) – *забрала*;

– *земный* («*И, чтобы не тряслось гораже, / Кому-то надо стыть на страже. / Тем стражам зёмный мой поклон!*») [Григорьев 1990] – *земной*;

– *родный* («*Сейчас я Жучке бы недужной / Что рóдной тетке был бы рад*» [Григорьев 1990]) – *родной*;

– *шелковых* («*И ни разлукой, ни тоской / Земля и небо не дышали – / Они, как две шелкóвых шали*» [Григорьев 1990]) – *шелковых* (в этом случае фонетический облик слова маркирует его принадлежность русской фольклорной картине мира: ударение различает литературный и народно-поэтический варианты слова: *шёлковый* – *шелкóвый*, что отражает намеренную стилизацию под фольклорный текст).

Как видим, и И. Григорьев, и И. Чернухин, следуя стилистике народной лирической песни, намеренно включают в свои поэмы элементы фольклорной языковой картины мира, отражающие специфические фонетические черты. При этом меньшее количество таких словоупотреблений обнаруживается в поэме И. Чернухина (на **один** диалектный фонетический вариант в поэме «Бел-город» приходится в среднем **3** словоупотребления – в поэме «Обитель»)).

Однако это не приводит к возникновению искусственности в передаче народно-поэтической традиции: текстам по-прежнему свойственны органичность, структурная и стилистическая цельность.

2.1.2. Словообразовательные диалектизмы

В отражении в художественном тексте народно-поэтического и диалектного словообразования оказывается востребованной аффиксация, демонстрирующая устойчивый набор инструментов, различные комбинации которых позволяют увеличивать количество словообразовательных моделей.

Об этом писал ещё И.А. Осовецкий: «Словообразовательная модель как бы наращивает строевые элементы, в результате чего образуются слова с большим количеством аффиксов, чем соответствующие слова литературного языка. Такие слова. в значительной степени участвуют в формировании специфики лексического фонда говора» [Осовецкий 1982: 112].

В частности, группа **словообразовательных диалектизмов в поэме «Обитель»** весьма обширна и включает следующие образования:

1) слова с меньшим количеством морфем по сравнению с литературным вариантом;

2) слова с большим количеством морфем, чем в литературном языке.

В структуре слов наблюдаются следующие изменения:

1) **утрата аффиксов:**

– *винных* («– Удел таков / С похмелья – все, да нету **винных**...» [Григорьев 1990]) – *виновных*;

– *детва* (собирает.) («*Кто вдов оплачет жарче вдов, / Пылающих над похоронкой, / К тому ж, когда **детвы** шесть ртов...*» [Григорьев 1990]) – *детвора*;

– *загили* («*Ведь вот долгие горевно: / Хоть знать бы, где они **загили**...*» [Григорьев 1990]) – *загинули* – утрата суффикса *-ну-* (само слово *загинули* уже несет на себе печать народности, но здесь поэт идет дальше, отбирая наиболее яркий диалектный произносительный вариант);

– *пожалте* («*Не за водицею святой / В божницы лезла: – В дом **пожалте!***» [Григорьев 1990]) – *пожалуйте* (редукция произношения приводит к утрате суффиксального элемента и находит отражение на письме);

2) замена аффиксов:

– *воочью* («*И вот соловой белоночью / Услышал я, узря **воочью:** / – Краул, горим! Проснись: пожар!*» [Григорьев 1990]) – *воочию* (индивидуально-авторское новообразование в данном случае являет собой стилизацию под народно-песенный произносительный вариант);

– *восплачешь* («*Да где понять меня тебе: / **Ишас** не скрутит – не восплачешь*» [Григорьев 1990]) – *заплачешь* (народно-песенный префикс *вос-* с начинательным значением вновь отсылает нас к фольклорной картине мира: *восхотеть* и подоб.);

– *вызнать* («*Не **вызнать** цену той цены! / Не выгрести пепел в том пожаре!*» [Григорьев 1990]) – *узнать*;

– *лучшей* («*Из спальни вихрь: – Знакомы будем: / Я – Люська... а **лучшей** – Люсиль!..*» [Григорьев 1990]) – *лучше* (суффикс *-ее* в произносительном варианте *-ей* характерен именно разговорной, в частности диалектной, речи);

– *неминучий* («*Как величать такой удел – / Прекрасный, страшный, **неминучий?***» [Григорьев 1990]) – *неминуемый* (перед нами вновь яркий фольклоризм);

– *порушить* («*Ты думку, что ж еще, таи: / **Порушат** всласть и пожалуют...*» [Григорьев 1990]) – *разрушить* (префикс *по-* в значении завершения какого-либо действия характерен разговорной речи: *поделать* и т.п.);

– **пригас** («Свалял псовину, весь поник: / И зрак **пригас**, и ноздри сухи...») [Григорьев 1990] – **угас** (поэт употребляет приставку *при-* со значением неполноты действия, в чем, по-видимому, снова проявляется его стремление создать максимально приближенный к народно-поэтической традиции текст);

– **роблив** (*робливый*) («**Роблив**, что вяхирь-воркунец / Гром бормотал в колке еловом») [Григорьев 1990] – лит. **робок** (*робкий*); поясним: *вяхирь* – это дикий лесной голубь, гнездятся птицы в тиши хвойных и смешанных лесов (чаще на их окраине), остальное время предпочитают проводить на полях, где для них бывает обычно больше корма; это очень осторожные птицы [Источник: <https://givotniymir.ru>];

– **сронили** («А может, добрый побируха / **Сронили** косточку спроста...») [Григорьев 1990] – **уронили** (ср. народно-песенное: *сронила колечко*);

3) **присоединение характерных живой разговорной и фольклорно-языковой стихии аффиксов:**

– **дивь[j]е** («Теперь в деревне жить **дивьё**, / Не то, что мы когда-то жили») [Григорьев 1990] – **диво**, **дивно**;

– **залягу** («Избенка у меня суха, / Я завтра в лазарет **залягу**») [Григорьев 1990] – **лягу**;

– **костки** («Напиток – теплый, горлу гожд, / Да ванна **костки** просквозила...») [Григорьев 1990] – **кости** (введение в морфемную структуру суффикса уменьшительности *-к-* вновь создает иллюзию фольклорности, народности текста);

– **наовсе** («Мы прямо с поля в день Войны / Мужей **наовсе** провожали...») [Григорьев 1990] – **вовсе**;

– **наспоришь** («Нет, на житейском корабле / Не много с совестью **наспоришь**...») [Григорьев 1990] – **выспоришь**;

– **обкричат** («Ни отменить, ни **обкричат** – / Такая у Фотиньи мера») [Григорьев 1990] – **перекричат**;

– **оченно** («*Стальные копи, стало быть, / Впряглись уж **оченно** железно...*» [Григорьев 1990]) – *очень*;

– **пивцо** («*И забавляется **пивцом**, / И пробавляется винишком*» [Григорьев 1990]) – *пиво*;

– **погаснули** («*Погаснули, как хмель привычный, / Как в том сугробе зряшный крик*» [Григорьев 1990]) – *погасли*;

– **раскаким** («*Зовись хоть **раскаким** ученым, / За нами главный урожай*» [Григорьев 1990]) – *каким*;

– **распойму** («*Не **распойму** чегой-то вдруг, / Вторично огласи бумагу!*» [Григорьев 1990]) – *пойму*;

– **холодень** («*Ничуть не чужа **холодени**, / Анюта – в сени: – Ну дела!*» [Григорьев 1990]) – *холод*;

– **парнятки** («*Парняткам-восемилеткам малым, / В малиннике не повезло*» [Григорьев 1990]) – *парни* (уменьшит. ласкат. суффикс *-яtk-*, ср. *ребятки, котятки* и т.п., репрезентирует уже обозначенную установку автора на фольклорность);

– **повстречань[j]е** («*При ней я не был мал и сир, / Благословенно **повстречанье...***» [Григорьев 1990]) – *встреча*.

4) **стяжение**:

– **нейти** («*Сдай, малка, большаку итаны – / **Нейти** ж на снег без тех пожиток...*» [Григорьев 1990]) – *не идти*.

В поэме «Бел-город», в свою очередь, обнаружены следующие образования:

1) **замена аффикса**:

– **по-русскому** – *по-русски* («*Петь **по-русскому**, своё / И любить по-русски.../ Оттого во мне живёт / Радость вместе с грустью*» [Чернухин 2014]) – автор использует отличный от узуса конструктивный элемент (в данном случае суффикс *ому-* – при образовании наречия с приставкой *по-*), в

результате чего возникает омонимия словоформ: наречия на *-ому* и прилагательного с предлогом: *по русскому*;

2) **присоединение характерных живой разговорной и фольклорно-языковой стихии аффиксов:**

– *расхороший, расхорош* («*Расхороший* месяц – май, / *Расхорош* пасхальный!..») [Чернухин 2014]) – *хороший, хорош*.

Отметим, что нами выделены только некоторые единицы, не относящиеся к диминутивам, аугментативам или композитам, общее число которых в поэме «Бел-город» составляет более **40** словообразований. Но и эта, самая многочисленная, группа диалектных единиц в текстах И. Чернухина значительно уступает по частотности употребления таких образований в поэме «Обитель», в которой группа аналогичных лексем насчитывает более **70** образований.

При этом выявленные особенности позволяют говорить о том, что такие словообразовательные «отклонения от нормы» служат формированию особой индивидуально-авторской картины мира и трансляции в художественный текст народно-поэтической традиции. В частности, это характерно поэме «Бел-город», не отличающейся большим количеством других типов диалектизмов, и поэме «Обитель», где широко используются возможности диалектного словообразования.

2.1.3. Грамматические диалектизмы

В области **грамматики** выявляются следующие особенности.

1) **Расширение числовой парадигмы плюративов** (слов, имеющих в литературном языке в числовой парадигме только формы множественного числа) и появление у таких лексем форм единственного числа: *деньга* («*Даты и сам, болотный житель, / К деньге сбежал от трудодня...*») [Григорьев 1990]) – *деньги*.

2) В условиях диалекта формируются особые **формы множественного числа** и собирательных существительных, отличные от литературных эквивалентов, что также находит отражение в тексте поэмы:

– *друзи* («Примите, дорогие **друзи**, / Слезу мою, гостинец мой!» [Григорьев 1990]) – *друзья* (здесь мы видим старую, уходящую в древнерусский язык форму множественного числа *друзи*, употребляющуюся в фольклорных текстах, на месте современной формы *друзья*, которая по своему происхождению представляет собой бывшее собирательное имя существительного ед.ч. жен.р.);

– *дерева* («Фотинья, страж ничьих **дерев**, / Дивилась: – Цветь-то! Гинет сила!» [Григорьев 1990]) – *деревья*. Задействуется архаичная форма множественного числа существительного – *дерева* – как проявление народно-песенной традиции;

– *крылий* («Да все не то: ветрюга с **крылий** / Сейчас не снег – картечь кидал» [Григорьев 1990]) – *крыльев*.

3) Частичное **разрушение категории среднего рода**, которая в данной языковой ситуации оказывается неустойчивой морфологической системой:

– *паникадиле* (д.п. ж.р.; диал.) («А дым с трясеньем – поделом / Той бешовой **паникадиле!**» [Григорьев 1990]) – *паникадилу* (д.п. ср. р.; лит.). Здесь переход среднего рода в женский осуществляется с помощью согласования по женскому типу в атрибутивных сочетаниях;

– *фрукту* (в.п. ж.р.) («Да ты ж черёмху, кровосос, / Как **фрукту**, обложил налогом» [Григорьев 1990]) – *фрукт* (в.п. м.р.)

Р.И. Кудряшова в своей диссертации объясняет причины неустойчивости категории среднего рода ее грамматическими особенностями у существительных: «по сравнению с мужским и женским родом средний род у существительных – категория, которая семантически не мотивирована (нет поддержки во внеязыковой действительности)»; «существительные среднего рода – непродуктивная грамматическая группа слов (за исключением отвлеченных имен существительных на *-ние* и *-ство*, которые в традиционных рус-

ских диалектах с их ориентацией на разговорно-бытовую, обиходно-бытовую речь практически не использовались»); «существительные среднего рода – группа, слабо маркированная в формальном отношении, так как в большинстве косвенных падежей их словоизменительная парадигма совпадает с мужским родом» [Кудряшова 1998: 36].

4) Употребление особых **форм повелительного наклонения глаголов**:

- либо образованных путем перемещения (перетяжки) ударения на предшествующий слог и полной редукции конечного гласного звука, что характерно диалектной речи:

– «В дому в наличности чужак: / **Предъявь!** Порядок есть порядок...» [Григорьев 1990] – *предъяви*;

– «**Поцинь** предснежного укропу / Да не страви мне кобеля!» [Григорьев 1990] – *поцинай*;

– «Шут с ней, с ломотой, – побелю. / **Сходь** к Медведихе за побелкой...» [Григорьев 1990] – *сходи*;

- либо с сохранением конечного безударного гласного (что также соответствует фолькорной тенденции к архаизации):

– «– С того и с кобелем задрался? / Ну что ж, **садися**, удружу...» [Григорьев 1990] – *садись*;

– «Да в каждом месяце двукратно / Получку с премией **ими**...» [Григорьев 1990] – *имей*;

– «Под ней ковер из муравы: / Сиди, **дремли**, внемли, прохожий» [Григорьев 1990] – *подремли, вздремни*.

Отклонения от литературной нормы и стремление к архаизации и разговорности обнаруживают и **возвратные глагольные формы**. Как известно, сохранение гласной в возвратном постфиксе *-ся* происходит в позиции после гласного, однако в диалектной системе в этой же положении оказывается возможным сохранение *-ся*: «Молчу, жадобнушка, отбой, / Побелки **зажда-лася** печка...», «Что делать? Надо хоронить! / И побрела, **впрягшиися** в дроги, / не идут чужие ноги, / И ни слезы не обронить» (здесь же следует отме-

титель употребительный в говорах суффикс *-ши*), «*И, не ломяся наперед, / Пред Анной преклоню колена*» [Григорьев 1990].

5) В ткань поэмы «Обитель» введены носящие диалектный характер **глаголы в форме прошедшего времени**: «*Вот и попёр, вот и побёг: / И докатился до собаки*», «*Топтыгин сбёг в конце концов. / Михея в дом ввела старуха*», «*А я чуть в землю не сбегла, / Едва-едва не подкачала*», «*Скрутили хвори в три мочала / Да развязалась, размогла...*» [Григорьев 1990].

6) Интересны встречающиеся в поэме И. Григорьева **деепричастия**: «*Пребудя с «ломками» в ладу, / За строки розог не обрящем*», «*Так, значит, печку побеля, / С ружьем завьешь по чернотропу?*», «*И, спесь-гордыню разлюбя, / – Для помощи, не для обузы, – / Жила, не жалуя себя, / Жила душа – мерило Музы*», «*Досель не евши неужели?*» [Григорьев 1990]. Подобные формы являют собой рефлекс древнерусских кратких причастий женского рода (ср. *будучи* в современной русском языке).

7) Встречаются характерные народно-песенной стихии **стяженные формы прилагательных и местоимений**, образованные в результате выпадения согласной фонемы <j> в интервокальном положении: [небеснују] → [небеснуу] → [небеснӯ] → [небеснну]: «*Зазряшно не блукать в даях, / Не ждаты с верхов небесну манну...*», «*До рва, кипящую огнем, / Мужси снесли нещадну ношу...*», «*Не за рубли – за даровьё / На полну совесть рвали жилы...*», «*Не светлу радость – черен страх / Сочат из сумерек и тины*», «*И так сиреневы деньки, / Так правы – нету виноватых*», «*А по дворам дымы и певни, / А по садам красны дары*» [Григорьев 1990];

мя («– Помилуй мя, Господи, Раба твоего. / Житья нету боле. / Не доля – неволя!» [Чернухин 2014]) – *меня* (используется архаичная, церковнославянская стяженная форма местоимения 1-го лица).

8) Также присутствуют **архаичные формы без стяжения**: – *перво-им* («*Как в сорок перво-им! Свят, свят!*» [Григорьев 1990]) – *первом*.

9) Обнаруживаются *нехарактерные формы сравнительной степени у прилагательных* («*Лишее не бывает лиха / (Не знай, сказал бы: бредни психа, / Но от себя не убежу)*» [Григорьев 1990]) и *краткая форма* («*Всем стыд и совесть не чужа, / Хоть будь хоть кто. Так в чем же дело?*» [Григорьев 1990]), что также является отражением языковой архаики.

Помимо указанного, в тексте имеются и другие грамматические «приемы» фольклорного начала, присутствующего и в диалектной речи.

Так, наблюдается явление полной функциональной транспозиции слова, а именно – *субстантивации*, средством которой является преимущественно конверсия («способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность *транспозиции*, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи» [ЛЭС]):

– *жаль* (безл. в знач. сказ., кого. О чувстве жалости, сострадания, испытываемом по отношению к кому-л.» [МАС 1985: 471]) – *жаль* (сущ.: «*Все просят есть наперебой, / И нрав, и жаль, и власть являют...*» [Григорьев 1990]); «сострадание, сочувствие, жалость; горе, печаль, скорбь, грусть» [СРНГ 9: 68]);

– *прямо* (нар.) – *прямо(о)* (сущ.: «*Идти бы впрям, да спесь-то – вбок. / А вбок от пряма – буераки...*» [Григорьев 1990]).

Особенностью субстантивации в условиях диалекта, которые выводимы из текста поэмы, является то, что образование субстантивов происходит на базе как знаменательных, так и служебных частей речи.

Данное явление обуславливается, по мнению С.М. Кравцова и А.Ю. Голубевой [Кравцов, Голубева 2016], тем, что служебные слова, в отличие от знаменательных, лишены номинативных значений, т.к. они не называют предметов, лиц, явлений, признаков, свойств, действий. Поэтому лингвистика классифицирует их как «лексически несамостоятельные слова, слу-

жащие для выражения различных семантико-синтаксических отношений между словами, предложениями и частями предложений, а также для выражения разных оттенков субъективной модальности. Служебные слова, в отличие от знаменательных, не имеют морфологических категорий и выполняют только синтаксические функции в синтаксической конструкции» [ЛЭС 2002: 472].

Тексты поэм позволяют в общих чертах рассмотреть явление *апеллятивизации* в говорах – перехода имен собственных (онимов) в разряд имен нарицательных (апеллятивов). Этому способствует феномен прецедентных имен и семантическая структура онима, включающая способствующие ему становиться апеллятивизированной единицей компоненты – прономинанты (семантического деривата от онима). Процесс апеллятивизации осуществляется на основе стилистического приема прономинации, состоящего «в замене нарицательного имени собственным (или наоборот)» [Квятковский 1966: 227] и который выступает в качестве одного из источников экспрессивной синонимии в современном русском языке [Томашевский 1996: 66].

В тексте поэмы И. Григорьева таким прономинантом является лексема *михей*, мн.ч. *михеи* («Что страшно: много *михеёв* / Уверены, что так и надо», «Как им, *михеям*, сходит с рук / Свое? И наше? И державно?» [Григорьев 1990]), актуализирующая в данной речевой ситуации следующее значение: ‘недогадливый, глуповатый человек’.

Вероятно, в данном случае лексической основой стилистического приема прономинации, образованного с помощью метафоризации, является имя собственное, а именно – прецедентное имя, относящееся к разряду антропонимов [Москвин 2006: 244]. Выявить это позволит метод лингвокультурологической реконструкции, который «предполагает диахроническое изучение в пределах того или иного этнокультурного сообщества процессов языкотворчества, результирующих посредством языковых единиц разного уровня формирование и взаимодействие концептуальных структур» [Кошарная 2002: 21].

В поэме И. Чернухина наблюдаются следующие случаи диалектного грамматического варьирования:

1) Употребление особых форм **множественного числа**:

– *друзи (р.п. друзей)* («Кто-то свистнул в темноте, / Дрогнул конь в испуге, / И тотчас же вся артель / Обступила **друзов**» [Чернухин 2014]) – *друзья*;

– *из дерев* («Повелел державный / Город ставить славный, / Город ставить Белый / Из **дерев** и мела, / Чтобы русичам в нём жить, / Вражьи силы сторожить» [Чернухин 2014]) – *из деревьев*;

– *вороты* («Распахнёте **вороты**, / Красные, рябые, / Запоёте молодо / Песенки любые» [Чернухин 2014]) – *ворота*;

– *во спасения души* («– Эй, Егорий, не зевай, / Выпьём во спасенье!! / Во **спасения** души / Конокрада Гриши, / Люб ты... кони хороши / У тебя по крышам» [Чернухин 2014]) – *во спасение души* (абстрактная лексема *спасение (души)* обретает здесь возможность употребления в форме множественного числа, что невозможно в узусе).

2) Склонение существительных 3-го склонения по типу 1-го (более продуктивного): – *жизня*: «**Жизня** водки горше!.. / Барам что?.. / Не знают бед – / Рвётся там, где тоньше!» [Чернухин 2014].

3) Употребление особых **форм повелительного наклонения глаголов**:

– *глядь-поглядь* («Хороши!.. / Дует ветер-южак мужичине в лицо. / **Глядь-поглядь**: / Городище стоит за Донцом» [Чернухин 2014]) – *погляди* (наряду с редуцированным окончанием, в структуру значения добавляется компонент неоднократности мгновенного действия, создающего и за счет образования лексем по механизму композита);

– *не обидь* («Ах, ты, степушка, степь, / Приюти мужика, / Приюти, **не обидь** / Мужика-вахлака!» [Чернухин 2014]) – образование литературной формы деепричастия совершенного вида будущего времени невозможно;

– *подмогните, подмогнем-ка* («– Эй вы, люди добрые, / **Подмогните** снять! – Матушку чугунную / (Расступись молва!) / Белу граду юному / Жалует Москва... / Тут тянуть с умишком / Надо бы не зря... / – **Подмогнём**»

ка, Гришка, / Что ли, пушкарям?..» [Чернухин 2014]) – *помогите, поможем* (указанные формы образуются от прост. и обл. *подмогнуть*);

– *ходь* («Головой тяжёлою / Покачал *старшой*: / – Горе с вами... с женами! / Ну да *ходь* ужо...» [Чернухин 2014]) – *иди* (повелительная форма образуется от глагола *ходить*, что не соответствует нормам русского литературного языка).

4) Интересны встречающиеся в поэме *деепричастия*, например, *не ропца* («И живёт Иван, живёт. / Веселясь и мучась, / Хлеб растит и чарку пьёт. / Службу ратную несёт, / Не *ропца* на участь» [Чернухин 2014]). В некоторых случаях деепричастия, образованные от глаголов совершенного вида (*побелить, разлюбить, диал. пребыть*), приобретают суффикс несовершенного вида -я и, но не меняют категорию вида:

– *объегорить* (сов.в.) – *объегоря* («Друга верною храня, / Нехристь *объегоря*, / Он добыл в бою коня / И увёз Егора» [Чернухин 2014]);

– *осениться* (сов.в.) – *осенясь* («Ночевал там ворог злой / На траве береговой, / Прятались разбойнички / В камыше густом, / *Осенясь* крестом...» [Чернухин 2014]).

5) Встречаются характерные народно-песенной стихии *стяженные формы прилагательных*: «На виду всей улицы. / Грусть-печаль гоня, / Муж с женой целуются / Среди *бела* дня» [Чернухин 2014]).

6) Присутствует архаичное окончание -ой у некоторых прилагательных в И.П. ед.ч. м.р.:

– *старшой* («Головой тяжёлою / Покачал *старшой*: – Горе с вами... с женами! Ну да *ходь* ужо...» [Чернухин 2014]) – *старший*;

– *темной* («Подходи народ *темной*, И пируй с артелью... / На Московии давно / Бочки опустели...» [Чернухин 2014]) – *темный*.

7) Обнаруживаются *сравнительные степени у относительных прилагательных*: например, *горше* («Жизня водки *горше!*.. / Барам что?.. / Не знают бед – / Рвётся там, где тоньше!» [Чернухин 2014]), что также является отражением языковой архаики.

8) Наблюдается процесс *апеллятивизации*:

«*А топор... Несёт топор Звон над Белогорие, Кто сказал – один Егор?.. Много их – Егориев!*» [Чернухин 2014] – здесь в поэме И. Чернухнина формируется собирательный образ Егория, умельца и труженика, сложившего голову в бою с врагом.

Грамматические диалектизмы оказываются одной из самых насыщенных групп разговорной лексики в поэме И. Чернухина «Бел-город», однако по количественному составу они почти вдвое уступают аналогичной группе в поэме И. Григорьева.

2.2. Собственно лексические диалектизмы и этнографизмы

Работа над систематизацией лексических диалектизмов была представлена двумя основными этапами: во-первых, распределением языковых единиц по лексико-семантическим группам, а затем – формированием внутри образовавшихся блоков отдельных лексико-семантических подгрупп.

Также нами приводятся все известные по СРНГ значения для каждого конкретного слова, определяется ЛТГ, к которой можно отнести лексему в рассматриваемом контексте, и лингвистический статус (лексический диалектизм или этнографизм); в результате выявляется характер изменений, которые имеют место в лексической единице.

Отметим прежде всего присутствие разговорной и диалектной лексики как таковой:

– *гусак* («*Людмила, выгонь гусака: / Добрался до гороху, дока*» [Григорьев 1990]) – *гусь*;

– *жнитво* («*Жнитво отмаяли едва...*» [Григорьев 1990]) – *жатва*;

– *певень* («*А по дворам думы и певни, / А по садам красны дары*» [Григорьев 1990]) – *петух*;

Можно сказать, что по тексту поэмы И. Григорьева можно не только характеризовать живую речь его земляков, но и изучать историю русского языка и русскую фольклорно-языковую картину мира, что характеризует поэта как подлинно народного и глубоко знающего традиции своей земли автора.

Рассмотрим отдельные частеречные группы подобных образований.

Существительные

Трудность разграничения среди *существительных* лексических диалектизмов и этнографизмов состоит в существовании явлений омонимии и полисемии, что приводит к необходимости учитывать контекст при классификации слов. Поэтому в данной работе четкое разграничение проводиться не будет – мы лишь укажем все известные по СРНГ значения (значение, которое актуализируется в тексте поэмы, подчеркнуто в словарной дефиниции), определим, к какому классу актуализированное значение многозначного слова позволяет отнести данную лексему (лексический диалектизм или этнографизм), а также выделим те значения, которые в другой текстовой ситуации позволили бы отнести лексические диалектизмы к категории этнографизмов.

В ряду имен существительных, выделенных в тексте поэмы «Обитель», можно выделить несколько лексико-тематических групп (ЛТГ).

А) ЛТГ «**Человек**». Большим количеством лексем представлены диалектизмы, называющие *человека* по его характеру, поведению и другим качествам. Вероятно, это связано с факторами внеязыковой действительности: многочисленность человеческих характеров, свойств натуры, моделей поведения определяют появление значительного количества средства для их вербализации. Таким образом, как отмечает С.А. Кошарная, «человек не только творит «субъективную» реальность по своему образцу и подобию, но и сам оказывается втянутым в процесс идентификаций» [Кошарная 2002: 116].

В поэме «Обитель» обнаружены следующие образования:

– бедун, бедунья («Наш клич, наш плач их не упас, / Руси солдат, от немской стали: / Мы вдовами, **бедуньи**, стали...» [Григорьев 1990]) – «1. В суеверных представлениях – человек, приносящий беду. Даль [без указ, места]. 2. Несчастливый человек. Даль [без указ, места]» [СРНГ 2: 178];

– ваятель («Не знаю сам, к кому, приятель. – / Молчим, вуютель и **ваятель**...» [Григорьев 1990]) – от ваять – «Выть, плакать. Осташк. Твер., 1820. Твер. – Ср. Войть.» Тот, кто плачет, воет. [СРНГ 4: 79];

– воркунец («Роблив, что **вахирь-воркунец**, / Гром бормотал в колке еловом» [Григорьев 1990]) – то же, что воркун («Воркун, а, м. 1. Тот, кто ворчит; ворчун, брюзга. Слов. Акад. 1806...» [СРНГ 5: 101]);

– вуютель («Не знаю сам, к кому, приятель. – / Молчим, **вуютель** и ваятель...» [Григорьев 1990]) – от вують – выть («Выть. Пск., Даль. Боров. Новг., Волки вуют. <...> Баба вует, как волчица. <...> Тарт. Эст. ССР. Тот, кто воет» [СРНГ 5: 240];

– вахирь («Роблив, что **вахирь-воркунец**, / / Гром бормотал в колке еловом» [Григорьев 1990]) – «1. То же, что вятель (во 2-м знач.). Влад., Розов. Ворон., Ряз., Даль. Дон. 2. Перен. Вялый, неуклюжий человек. Сарат., 1824. Пенз. Такого вахирия рай ленивый не обманет. Покр. Влад.» [СРНГ 6: 81];

– гоготун («Не **гоготун** залетный гусь – / Псковской, Николин сын и Манин» [Григорьев 1990]) – хохотун. (Пск., Смол., Копаневич. [СРНГ 6: 205]);

– дока («Людмила, выгонь гусака: / Добрался до гороху, **дока**...» [Григорьев 1990]) – «колдун, знахарь; колдунья, знахарка. Пошех. Яросл., 1849. Шуйск. Влад., Зарайск. Ряз., Ставроп. Самар., Сиб., Краснояр.» [СРНГ 8: 96];

– жадобнушка («Молчу, **жадобнушка**, отбой, / Побелки заждалася печка» [Григорьев 1990]) – «милый, дорогой человек. Олон., Даль» [СРНГ 9: 59];

– жихарь («А окрестил тебя чудака, / Твой **первожихарь** – дед Тимошка...» [Григорьев 1990]) – «1. Житель. = Ж и х а р ь. «Житель, обыватель,

в некоторых губерниях». Бурнашев. Ты здешний жихарь, знаешь здешние обычаи. Слов. Акад. 1847 [с пометой «просто нар.». Пск., Смол., Даль. <...> Смол. Петерб., Новг., Олон., Калинин., Йыгев., Тарт. Эст. ССР. <...>» [СРНГ 9: 198];

– *захмычка* («Дак ты – поэт? Мараешь лист / По совести, аль **по захмычке**...») [Григорьев 1990] – *замашка, привычка*, ср.: «**захмылить** что, костр. девать куда, засовать, затерять, запропасть. || Захмылить пск. стать жаловаться, плакаться; захмылиться, всплакаться на что, заплакать; || о погоде: запасмуреть, заненаститься. Захмыливаться, захмылиться тул. погибаться, прогнуться, провесать, опускаться, образуя впадину. Стожок посередке захмыливается. Захмылистый, навислый или выдавшийся верхом вперед. Захмылистые скалы над рекою. Захмылина ж. провес, изгиб, впадина. Захмыляться, захмылиться начать, стать ухмыляться. Захмылка ж. усмешка, улыбка. || Захмылка ж. провес, залом, впадина. Захмыльчивый, склонный к захмылке; насмешливый. Захмычка ж. пск. твер привычка, обычай, замашка» [Даль: <https://gufo.me/dict/dal/>];

– *зимогор* («Я – **зимогор**, во мне запал, / Начхать на вьюжные атаки!») [Григорьев 1990] – «1. Сезонный рабочий на отхожих промыслах. <...> Вят., Зеленин, 1903. Всю зиму в зимогорах ходит по лесозаготовкам. На лесовозе все больше зимогоры робят. Ирбит., Верхот. Перм. <...> Петерб. <...> 2. «Тот, кто остается зимовать вне Петербурга: в Шувалове, в Лесном, в Удельной, в Царском, в Тярлеве. <...> Петерб., Даль [3-е изд.]. 3. Босьяк, бродяга. Куда за него замуж идти: он зимогор. Рыб. Яросл., 1901. Яросл. <...> Арх., Новг., Пск., Твер., Ср. Волга, Прикамье, Перм. Слов. Акад. 1955 [с пометой «устар., обл.». <...>» [СРНГ 11: 280];

– *лада* («Даль проникает, как вино, / Манит коварною привадой, / Как встреча и разлука с **ладой**: / И горько, и хмельным-хмельно») [Григорьев 1990] – «1. Муж, жена (обычно по отношению друг к другу). <...> Даль [без указ, места]. Шенк. Арх., 1887. Арх., Печора и Зимний берег, Беломор., Олон., Волог., Север., Новг., Курск., Костром., Перн., Свердл. Слов. Акад.

1957 [с пометой «народнопоэт.】. • Жена. *И свою я милую ладу И возьму поцелую.* Тихв. Новг., 1853. Олон., Арх., Яросл., Курск., Саратов., Перм., Иркут. • Муж. Кем. Арх., 1853. *Журливая лада По торгу гуляла, Плетей закупала.* Дмитров. Орл., Добровольский. Брян., Волог., Ульянов., Перм. <...> I. Жених, невеста. <...> Онеж. КАССР, 1933. Арх. Ж. Невеста. Влад., Марков, Слов. карт. ИРЯЗ. Милый, любимый; милая, любимая. Соболевский, Великорус, народн. песни. <...> Холмог. Арх., 1907. Арх., Пск. <...> Саратов., Соболевский» [СРНГ 16: 228];

– *миляга* («*Пес Мухи тоже, хоть понур, / Достоин лирики, **миляга**...*» [Григорьев 1990]) – «1. Любовник; любовница. Арх., 1885. 2. О том, кто вызывает к себе жалость, сострадание. Пропал миляга! Олон., 1885–1898. Волог., Арх., Новг., Пск., Я росл. || В шутку или в насмешку о ком-либо <...>» [СРНГ 18: 165];

– *одры* («*Отжившее свое старухи / И деды – клячи да **одры**...*» [Григорьев 1990]) – «1. Одра. Верхняя (съемная) часть повозки, кузова; повозка с таким кузовом. В одру прямо сыпали картохи. <...> Брян., 1952–1954. 2. Одра. Род бороны, волокуша. Хакас. Краснояр., 1967. 3. О д р а. О худом, тощем человеке. Петрозав. Олон., 1885-1898. <...> Вят., Магницкий, 188» [СРНГ 23: 63];

– *побируха* («*А может, добрый **побируха** / Сронили косточку проста...*» [Григорьев 1990]) – «1. То же, что побираха (нищий, нищая. Опоч., Пск. Пек., 1852. Пск., Твер., Смол., Сев.-зап.<...>» [СРНГ 27: 196];

– *прихлебай* («*Ни ночи нет от вас, ни дня: / Порасплодили **прихлебаев**...*» [Григорьев 1990]) – «дармоед; охотник до чужих обедов, и за то угодчик на хлебосолов, угодник из похлебства, за хлеб-соль» [Даль 3: 416];

– *прокурат* («*Зятька подарок-принесёнок / И **прокурат**-козел Чернух...*» [Григорьев 1990]) – «1. Весельчак, балагур, зубоскал Перм, 1848 Волог , Твер , Яросл , Влад , Костром , Нижегород , Симб , Уральск , Тобол , Зауралье, Тюмен. <...> Сиб. || Выдумщик. Пск., Старорус., Новг., 1911 Амур., Якут., Сиб. <...>. Притворщик, ханжа. Пск., 1850» [СРНГ 32: 167];

– *скобарь* («Залюбовался я невольно / **На истинного скобаря...**» [Григорьев 1990]) – «1. Инструмент для обработки дерева. Вашкин. Волог., 1978. 2. Житель Псковской области, пскович. Онеж. КАССР, 1933. Скобари – там псковщина... в Пушгорах скобари. Пск. <...> 3. Жеребец, завезенный из Пскова. Прионеж. КАССР, 1966» [СРНГ 38: 37];

– *сердяга* («С тех дней (**сердяги**, слава вам / За чистое земное дело!)» [Григорьев 1990]) – о человеке, который часто сердится. Прииссыккул. Киргиз. ССР, 1970 [СРНГ 37: 195];

– *стрекулист* («И к нам, как ветром, принесло / Говоруна и **стрекулиста**» [Григорьев 1990]) – «1. Щеголь, франт. Ряз. Ряз., 1902. Липец. Ворон. Гордец. Липец. Ворон., 1929–1937. <...> Рыб. Яросл., 1990. 2. Легкомысленный, болтливый, ненадежный человек. Петров. Саратов., 1960. <...> Ворон. 3. Вздорный, сварливый, задиристый человек. Медын. Калуж., 1849» [СРНГ 41: 311];

– *тать* («В избе Михей возник, как **тать...**» [Григорьев 1990]) – «злодей, вор, грабитель; мошенник, плут. Слов. Акад. 1822. Обл., Соловьев, Грот, 1852. <...> Даль» [СРНГ 43: 311].

В составе данной группы лексики наблюдается преобладание негативно окрашенных языковых единиц над лексемами с положительной коннотацией. Поскольку отрицание – «показатель значимости отрицаемого для субъекта» [Кошарная 2012], то такая модель, при которой человек избирательно воспринимает окружающую его действительность, аргументируется, по мнению Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], тем, что человек чаще придает значение тем явлениям, которые не вписываются в общепринятую норму и потому получают соответствующую языковую маркированность. Следование установленным правилам не нуждается в дополнительной оценке, поскольку норма единственна, отклонения от нее – множественны. Все, что воспринимается диалектоносителями отрицательно, выражается намерение видеть не имеющего недостатков человека, создается идеальный образ. Это соответ-

ствуется объяснению явления актуализации негативной модальности Н.Д. Арутюновой.

Но в контексте нашей работы более значимым является присутствие в тексте поэмы большого количества элементов псковской народной речи: эта намеренная стилизация художественной речи, имитация речи земляков высвечивает в поэте подлинно народного автора, любящего свою малую родину.

Б) ЛТГ «**Природа**». Текст поэмы иллюстрирует особое отношение автора к «чуткому» освоению диалектоносителями, земляками поэта, окружающей их природы (как живой, так и неживой), результатом которого является существование в языковой структуре **фитонимов**, или **флоронимов** (номинаций растений), **зоонимов** (номинаций животных) и т.п.:

– *буерак* («*А в полночь жгучий клин / Метался эхом в буераках...*», «– *Идти бы впрям, да спесь-то – вбок. / А вбок от пряма – буераки*» [Григорьев 1990]) – небольшой овраг, размытая ложбина [Даль 1; 121];

– *вековуха-болотина* («*И вековухи-болотины / Не светлу радость – черен страх / Сочат из сумерек и тины*» [Григорьев 1990]) – «1. Небольшое болото, низкое, болотистое место. = Болотина. Олон., 1885-1898. Арх. <...> Костром. Сузд. В.Лад., Твер., Иван., Пск. <...>» [СРНГ 3: 78]. Значение первой части сложного слова (старая дева) указывает на возраст данного места;

– *верес* («*В нем клевер, желуди, ботва, / Крупчатка-градец с поля-луга, / Да сладкий верес, да лешуга, / И што чудно: припек – сам-два*» [Григорьев 1990]) – «1. Можжевельник. Ярослав., 1820. Костром. <...> «Можжевельник, кустарник хвойный, ростом 1-1.5 м, пахучий. Запаривают с ним бочки, ушаты. Делают веники, только для подметания (колючие). Из вереса делают обручи для ушатов, бочек». <...> Петерб. Ленингр., Пск., Новг., Твер. (Калин.), Калуж., Урал. <...> «Широко распространенное по всей северной полосе СССР название можжевельника». Слов. Акад. 1951 [спометой «обл.»].|| Плод можжевельника, ягоды можжевельника. Чердын. Перм., 1843. Перм.,

Тобол. 2. Вереск. Ярен. Волог., 1847. Волог., Арх., Олон., Новг., Пск., Твер., Ярослав., Перм., Вят. <...>» [СРНГ 4: 130];

– *возгорок* («*А на возгорках* каменьки...» [Григорьев 1990]) – *бугор* [СРНГ 4: 257];

– *жерлянка* («*И сразу слышен ярый дождь, / Жерлянок пеньеупоенье...*» [Григорьев 1990]) – «*лягушка*. Смол., 1914» [СРНГ 9: 142];

– *зябь* («*Паши себе: у нас не грядки, / Природа свыклась, зябь верши...*» [Григорьев 1990]) – «1. Целина. Галк. Курган., 1950-1951. Волхов. Ленингр. <...>» [СРНГ 12: 49];

– *колок* («*Роблив, что вяхирь-воркунец, / Гром бормотал в колке еловом*» [Григорьев 1990]) – «1. Заостренная палка, небольшой кол. Себеж. Великолукск., 1951. На маленький колок привяжи. Ряз. Камч., Прейл. Латв. ССР, Йонав. Лит. ССР. = Колок. Свердл., 1965. 2. Деревянный гвоздь, служащий в качестве вешалки. Одна была сорочина (сорочка, рубаха)» [СРНГ 14: 163]. Как видим, ни одно из представленных в СРНГ значений не отражает семантики диалектизма, использованного автором; таким образом, авторский словарь может, со своей стороны, обогатить общий фонд русской диалектной лексики;

– *комель* («*День от макушки до комля / Раздвоила грозы секира*» [Григорьев 1990]) – «1. Корень дерева или растения. Выдергивал дуб со кореньями, за вершину брал, а с комля сок бежал. Олон., Рыбников. Калин., Костром., Калуж., Орл., Перм. Грязь на комле налипла. Иркут. <...> || *К о м е л ь*. Ствол с корнем. Тихв. Новг., 1854. 3. *Комель*. Пень. Тихв. Новг., 1854. <...>» [СРНГ 14: 230];

– *лешуга* («*В нем клевер, желуди, ботва, / Крупчатка-градец с полялуга, / Да сладкий верес, да лешуга, / И што чудно: припек – сам-два*» [Григорьев 1990]) – «1. Короткая шуба, крытая сукном, домотканым холстом и т. д. Тотем. Волог., 1877. 2. Яблоко дикой яблони. Новг., 1911. Великолукск. Пск.» [СРНГ 17: 35];

– *олешник* («*А там – куда доглянет взор, / Среди олешников беспечных – / Плескалось двадцать пять озер...*» [Григорьев 1990]) – «1. Заросли ольхи, ольховый лес, кустарник; ольшаник. Олешник. Даль [без указ, места]. Холмог., Шенк. Арх., 1885. Олон., Новг., Яросл., Твер. <...> Преображенский [с пометой «диал.】. <...> 2. Ольха (одно дерево). <...> Грибы такие подошники: под олешниками растут. Медвежьегор. КАССР, 1970 <...>» [СРНГ 23: 187];

– *пожня* («*И вдруг за озером, над пожней, / Как будто рухнул воз камней!*» [Григорьев 1990]) – «1. Поле, на котором сжат хлеб. Урал., 1913. Ср. и нижн. теч. р. Урал, Арх. Лен слали ни пожне. Бокситогор. Ленингр. Новг. <...> || Хлебное поле. Шенк. Арх., 1844. <...> Новг., Костром. || Поле, пашня (вообще). Пожни вспаханы и вообще обработаны скверно. Олон., 1898. Калин., Новг., Арх., Сверял. || Паровое поле (используемое иногда под покос). Ладож. Петерб., 1865. Ленингр., Новг., Арх. || <...> || Заливной, пойменный луг. Петерб., 1848-1850. Новг., Калин., Нижегород., Костром. <...> Низина у реки, озера (с мелким кустарником) Вышневол. Твер., 1852. Калин., Арх. <...> Покос на болоте. Пск., 1969. || Скошенный луг. Пск., 1969. || Отдельный участок покоса, луга. Каргоп. Арх., 1928. <...> Пск.» [СРНГ 28: 299]; как видим, в псковских говорах данное слово многозначно, и в авторском тексте возможно двойное его «прочтение» – ‘пашня’ или ‘заливной луг у водоема;

– *пороша* («*Пристыли слезы ноября: / Тридцатый день, близка пороша*» [Григорьев 1990]) – «1. Первый снег. Олон., 1846. Арх. <...> 2. Свежий снег, выпавший на затвердевший слой снега (наст). <...> Перм., 1856 Влад., Тул. || Снежная крупа. Холмог Арх., 1896 Онеж., Калуж. <...> Костром., 1846 Яросл., Уфим. <...> Слов. карт. ИРЯЗ [без указ года и места]» [СРНГ 30: 85];

– *хвиль* («*Снеготрясений я видал – / Пурги, буранов, вьюжищ, хвильей*» [Григорьев 1990]) – ненастье, мокрый снег, вьюга [Даль 4: 498].

В) ЛТГ «**Быт**». В тексте поэмы присутствуют и лексические диалектизмы, связанные с понятийной сферой «*быт*», *этнографическими реалия-*

ми, по отношению к которым мы предлагаем классификацию, учитывающую функциональную принадлежность самих реалий. Согласно этому принципу можем выделить несколько основных тематических групп номинативных единиц, содержащих наименования построек, одежды, пищи:

– *дым* («*А по дворам **дымы** и певни / А по садам красны дары*» [Григорьев 1990]) – «1. Фольк. Пар-дым. Пар. <...> Олон., Рыбников. 2. Очаг. Влад., Ворон., Ряз., 1852. 3. Отверстие для выхода дыма в черной, курной избе. <...> Холмог. Арх., 1950. Жилье, изба, двор. <...> Влад., 1851. Влад. Ворон., Ряз. <...> Селенье в пять дымов. <...>» [СРНГ 8: 292];

– *дянки* («*Михайловна, я Ваши **дянки** / В морозы посеичас ношу...*» [Григорьев 1990]) – «варежки. Белозер., Крестец. Новг., 1852. «Вязаные или матерчатые на ватной или кудельной подкладке, но не кожаные (кожаные назывались «голицами»)». Новг., Гарновский, 1923–1928. Пск., Твер., Ленингр., Волог., Онеж. КАССР <...>» [СРНГ 8: 306];

– *жаренка* («*Михей продумал две недели / И порешил: «Пора того: / **Жарёнка** – на сковороде...*» [Григорьев 1990]) – «1. То же, что жарена (что-либо жареное). Жаренка. Давай, мать, жаренки поедим. Урал., 1956. Вот грибов набрали на жаренку. Пудож. КАССР. = Яишня или что-нибудь жареное – жарёнка. Великолукск. <...>» [СРНГ 9: 76];

– *коленце* («*На фронт ударный – на сенаж: / Всем по две нормы! **Без коленец***» [Григорьев 1990]) – «1. Коленце. Особого рода самодельная папироска, козья ножка. Сарап. Вят., 1901 <...>» [СРНГ 14: 125]; в контексте поэмы, по-видимому, мы имеем именно это значение: иными словами, речь идет о требовании работать, не покалывая рук, «без перекуров»;

– *малахай* («*И где ружье, где **малахай**, / Где мотоцикл? Спросите лужу*» [Григорьев 1990]) – «1. Широкий кафтан без пояса. Великолукск. Пск., 1852. Пск., Новг., Волог. Стары люди носили малахай: длиннущие, широкущие оне были, я-то не нашивала. Перм. Ср. Урал. Слов. Акад. 1957 [с пометой «обл.»] <...>» [СРНГ 17: 318];

– *помело* («*На весь район – ни помела: / Какие тут уж бабы-яги*» [Григорьев 1990]) – «1. Металлич. веник. Арм.ССР, 1948. Пудож. КАССР, Омск., Кемер. <...>» [СРНГ 29: 203]; «пук мочал или тряпья, ветоши, или хвойнику, на помелище ср. для обмету печного поду, под посадку хлебов» [Даль 3: 247].

– *пятистенок* («*Была деревня, да сплыла: / Твой пятистенок – козырь плевый*» [Григорьев 1990]) – «1. То же, что пятистен. Волог, 1883-1889. Арх., Сев. Двин., Олон., Новг., р. Мета, Калинин. Пятистенок – это большой дом с рубленой стеной посредине. Моск., Влад., Яросл., Костром., Перм. <...> Дон., Волгогр. Дом с перегородкой внутри называется пятистенком. Урал., Ср. Урал, Зауралье, Курган., Тобол., Том. А с двумя комнатами, так то уж пятистенок Новосибир , Горно-Алт., Тунк Бурят АССР, Амур. <...>» [СРНГ 33: 225];

– *рига* («*Вся наша жизнь теперь бела, / Изжиты риги и овраги...*» [Григорьев 1990]) – «1. Большой сарай с печью для сушки снопов и обмола-та. Рыга Ряз., 1820 Калинин., Орл. <...> Брян. Ворон., Пенз., Куйбыш., Волгогр., Кемер., Иркут. <...> Волхов. Ленингр., 1954 <...> Заполнять ригу снопами для их сушки. Поозер. Новг., 1949. <...> Ленингр., <...> Пск., <...> 3 Постройка, помещение, место для об молота зерна, молотильный сарай. <...> Пск., Калуж., Смол., Пенз., Зауралье, Курган. <...> Новг., 1969. || <...>» [СРНГ 35: 100];

– *скит* («*Начнем с венца, скита, деревни – / Неужто начинать с азов?*» [Григорьев 1990]) – «вид изгороди. Двор огорожен скитом стоячим, гумно огорожено кольем стоячим. Орл., 1940-1950» [СРНГ 38: 9];

– *торба* («*Война! У жизни мал лимит, / Зато у смерти бланки в торбе*» [Григорьев 1990]) – «1. Торба. Мешок с сеном, который вешается на морду лошади. Торба – мешок, сено в нем, лошади наденем, когда едем. Сузун. Новосиб., 1964–1965. <...> Новг., 1995. <...> 3. Плетеный кошель с крышкой, служащий для переноса (чаще всего на спине) различной поклажи. Бурнашев. Волог., 1866. Новг., Яросл., Калинин., Орл., Даг. АССР» [СРНГ 44:

262]; по-видимому, в этом контексте реализуется значение, близкое ко второму, представленному в словаре: ‘заплечная сумка или сумка, которую носят на плече’;

Г) ЛТГ «Соматизмы». Одну из тематических групп в ряду лексических диалектизмов, функционирующих в тексте поэмы, составили **соматизмы** – номинации частей тела человека или животного:

– *гонь* («*Турецкий хром у нас в чести, / А туркам гонь корье дубильно*» [Григорьев 1990]) – «собачий хвост. 1897» [СРНГ 7: 14];

– *мурло* («*Гад не берёт боекомплект / Железное мурло набыча...*» [Григорьев 1990]) – «1. Морда животного. Юго-зап. Том., 1864. Забайк., Сиб., Тамб. 2. Рот (преимущественно у животных). Уральск., 1913 <...>» [СРНГ 18: 356];

Учитывая классификацию соматической лексики (по принципу внешнее/внутренне), предложенную О.В. Старых [Старых 2011: 82-83] на *сомонимическую* (номинация частей тела), *остеонимическая* (названия составляющих скелета), *сенсонимическую* (лексемы со значением «органы чувств») и *сплахнонимическую* (обозначение внутренних органов), видим, что в первую очередь репрезентируется сомонимическая лексика.

Кроме того, в состав данных лексических диалектизмов входит так называемый оценочный компонент, носящий преимущественно пейоративный характер. Это положение подтверждает слова Г.Н. Складневской о том, что «почти 80% языковой метафоры носит пейоративный характер» [Складневская 2004: 111].

Д) ЛТГ «Абстракции». В реализацию авторского замысла вовлекается и расширяющая семантику и круг употребления **абстрактная лексика**, заимствованная из диалектного языка:

– *перекувырки* («*Вестимо, в перекувырках / Жить суматошно и накладно...*» [Григорьев 1990]) – суета, беготня (данная лексема в словарях отсутствует);

– *поруха* («*Я – скоком – одолел откос: / Наддашь, спасаясь от порухи*», «*Добры ли, злы, больны, бодры – / На всех одна печать порухи*» [Григорьев 1990]) – «1. Помеха, затруднение, препятствие, остановка Пск., Даль. Нижегород., Дон. <...> 2. Болезнь, «происходящая от повреждения внутренностей» Слов. Акад. 1847 [«обл.»] || Болезнь от перенапряжения, с натуги, надсада Даль || <...> 4 Беда. Пск., Осташк. Твер., 1855 <...> 6. Остановка в работе. Пск., Осташк. Твер., 1855 <...>» [СРНГ 30: 106];

– *привада* («*Даль проникает, как вино, / Манит коварною привадой*» [Григорьев 1990]) – «1. Повадка, потворство. Шенк., Арх., 1852. 2. Пристрастие. Холмог, Арх., 1907» [СРНГ 31: 126];

– *решка* («*Отхолонуло во груди: / «Еще не решка бабе Нюхе*» [Григорьев 1990]) – «<...> 4. Решка кому-л. Конец, смерть кому-л. Ему решка. Болх., Орл., 1901» [СРНГ 35: 90].

– *свара* («*Не жахнет в суд на нелады / Земля. Ей несподручна свара*» [Григорьев 1990]) – от *свариться* (ссориться, браниться, кориться, брюзжать и пр. [Даль 3: 130]; [СРНГ 36: 211];

Таким образом, учитывая значение, актуализированное в тексте поэмы, можно вычленить следующие группы лексических диалектизмов, к которым примыкает просторечная и устаревшая в общенародном языке лексика (1) и этнографизмов (2):

(1): *бедун (бедунья), ваятель, воркунец, вуятель, вяхирь, гоготун, дока, жадобнушка, зимогор, лада, одры, жихарь, побируха, приседатель, прихлебай, тать, прокурат, жерлянка, комель, верес, лешуга, олешник, возгорок, дым, дянки, мурло, гонь, поруха, перекувырки, свара, привада, решка.*

(2): *скобарь, колок, пятистенок, рига, скит, помело, коленце, малахай, жаренка.*

Кроме того, вычленяются подгруппы лексики, связанной с традиционными видами хозяйства: *пожня, зябь*; с природными явлениями и объектами: *пороша, буерак.*

Некоторые этнографизмы оказываются многозначными в русских говорах: *воркунец, вяхирь, одры, жихарь, побируха, комель, лешуга, олешник, дым, решка*, а потому можно сказать, что именно в контексте поэмы происходит конкретизация значения, что позволяет сделать вывод о семантике данных слов в говорах, характерных для малой родины поэта.

В поэме И. Чернухина «Бел-город» разговорные и диалектные существительные встречаются гораздо реже и представлены двумя тематическими группами.

1. ЛТГ «Человек»:

– *желваки* («От Микулиной руки / Кони замирают, / У Микулы **желваки** / Не к добру играют» [Чернухин 2014]) – «1. Болячка, чирей, нарыв. 2. Гипертрофированные железы золотушного происхождения на шее. 3. То же, что желви (в 4-м и 5-м знач. – нарывы)» [СРНГ 9: 102];

– *нехристь* («А калым-то... Ловко – / **Нехристей** не счесть! / Вишь, старшой их волком. / Пялится окрест...» [Чернухин 2014]) – «1. Нехристианин, иноверец, нехристь. Яросл., 1852. Обоян. Курск. 2. О бессовестном, несправедливом человеке. Яросл., 1852. Обоян. Курск.» [СРНГ 21: 204];

– *убивца* («Всем нам, Господи спаси, / Дом острожный снится... / Ты почто сбежал с Руси? – / Вор али **убивца**?..» [Чернухин 2014]) – «1. Убийца. Даль. Шадр. Перм., 1895. Сев.-Двин., Вят., Бударин. Сталингр., Ср. Урал.» [СРНГ 46: 119].

2. ЛТГ «Природа»:

– *колдобина* («Пушку тянут силою / В крепость пушкари: – / Ну завязла, милая! – / Чёрт её дерит!.. – / Глубока **колдобина**...» [Чернухин 2014]) – «1. Выбоина, ухаб, рытвина на дороге. Орл., 1850. Ворон., Зап.-Брян., Пенз., Ряз., Тул.» [СРНГ 14: 115].

Интересно, что осмысление человека и связанных с ним явлений нередко осуществляется вкупе с негативной оценкой действительности (*колдо-*

бина и подоб.), подтверждая слова Н.Д. Арутюновой о том, что в номинации нуждается в первую очередь то, что не соответствует общепринятой норме.

Что касается количественного соотношения анализируемых языковых единиц, то обнаруживается тенденция, в контексте которой И. Чернухину в большей степени свойственна ориентация на общерусскую лексику, в отличие от И. Григорьева, который чаще обращается к диалектному лексикону.

Глаголы

Анализ *глагольных лексических диалектизмов*, встречающихся в поэмах, выявил количественное несоответствие искомым лексем в обоих текстах, поэтому тематические группы были выделены только на основе материала поэмы «Обитель», поскольку 26 единицам у И. Григорьева соответствует всего 3 – в поэме И. Чернухина.

Таким образом, можно вычлени следующие тематические группы.

А) Глаголы со значением движения:

– *вихляться* («Гора *вихлялась* на горе...» [Григорьев 1990]) – «1. Шататься, качаться из стороны в сторону (о непрочно укрепленном предмете). Олон., 1823. Арх., Новг. Колесо вихляется. Ноги у стола вихляются. Вят. <...> Пск., Смол. <...>» [СРНГ 4: 305];

– *зафитилить* («И я ушел, вздувая пыл, / *Зафитилил* в низы по ска-ту» [Григорьев 1990]) – «1. Загордиться, заважничать. Смотри, как зафитилила. Уральск., 1964. <...>. 2. Направиться, побежать. Мосейч как звизнет ему промежду глаз, да и зафитилил домой без оглядки. Уральск., 1964» [СРНГ 11: 139]; в тексте поэмы реализуется второе из известных значений диалектизма;

– *опростать, -ывать* («Распановалась волчья сыть, / От долга совесть *опростала*...», «Когда последнее ведро / Мы *опростали*» [Григорьев 1990]) – «<...> 2. Освободить помещение, место, квартиру и т. п., сделать свободным, незанятым что-либо. <...> Костром. 1851. <...> Валд. Новг., Пск. <...>» [СРНГ 23: 291];

– *плюхать* («*Ах! Плюхать в вашу отдаленку! / Боюсь волков и ведьмедей!*» [Григорьев 1990]) – «1. Лить, проливать; плескать. Осташк. Твер., Пск., 1855. <...> 6. Медленно ехать, идти; тащиться. Плюхали, плюхали до вас: насилу-то доплюхали. Кашин. Твер., 1897. Курск. || Идти пешком. Уржум. Вят., 1882. <...>» [СРНГ 27: 172];

– *покалюсь* («*На печку влезу – покалюсь, / А то в квартире с паромгазом / Погреешься не всяким разом...*» [Григорьев 1990]) – «побранить, пожурить. Лапш. Казан., 1896» [СРНГ 28: 398]; авторское значение – «погреться»;

– *пришастал* («*А ты зачем **пришастал**, Мухи?*» [Григорьев 1990]) – «прийти, приобрести. Сев-Двин., 1928» [СРНГ 32: 65];

– *сигала* («***Сигала** в небо мошкара – / Крупна, калена и кусуча...*» [Григорьев 1990]) – «1. Быстрым, резким движением устремляться куда-л., бросаться прочь, наутек (от кого-л.). <...> Кашин. Твер., 1897. Пенз. <...> Калуж., Орл., Тамб., Даль. <...>» [СРНГ 37: 277];

– *сникнуть* («*Фотинья, **сникни**, будет поздно!*» [Григорьев 1990]), ср.: «1. Исчезать, пропадать. 2. Тухнуть, гаснуть (об огне). Зап. Брян., 1957» [СРНГ 39: 106].

Б) Глаголы ЛТГ «Сельскохозяйственные работы»:

– *оратать* («*Пусть не **оратаю** с конем – / Стоконну тракторному плугу;*» [Григорьев 1990]) – лит. *пахать*, ср.: «1. Пахать. Слов. Акад. 1822. Волог., 1839-1842. <...> Арх. <...> Петерб., Ленингр. <...> Новг. <...> Пск. Великолукск., <...>» [СРНГ 23: 329];

– *сказнить* («*– Михеюшка, не погуби! / Ой, куманек, помилосердствуй: / Ведь человек же ты – не зверствуй! / – Я сад **сказнил**. И ты руби...*» [Григорьев 1990]) – лит. *срубить, уничтожить под корень*, ср.: «1. Подвергнуть казни, казнить кого-л. Теперь пора ее сказнить. Бобр. Ворон., Афанасьев. <...> Новг., Ленингр., Олон., КАССР, Арх., Беломор., Сев.-Двин., Печор., Перм., Тобол. <...> 4. Освободиться от чего-л. старого, ненужного, выкинуть что-л. Сейчас нет треножек, сказнили их, делают только

примусы. Лит. ССР, 1960. Став сказнили старый, все равно негожий. Латв. ССР» [СРНГ 37: 366].

В) Религиозно-обрядовые глаголы:

– *окститься* («*Мы не завянем от картошки, / И ты, Михеюшка, окстись!*» [Григорьев 1990]) – «Креститься. Курск., 1930. Новг., Пск., Арх.» [СРНГ 23: 180].

Г) Глаголы приветствия, приближения, встречи:

– *встренуть* («*Вот так мы встренули войну*» [Григорьев 1990]) – «встретить. Обоян. Курск., 1856. Курск., Ворон., Орл., Тул., Брян., Тамб., Пенз., Рост., Кубан., Куйбыш. <...> Пск. <...>» [СРНГ 5: 215];

– *поручкаться* («*Я предъявил, чтоб «не нажить», / Мы поручкались аж до хруста*» [Григорьев 1990]) – «поздороваться, пожимая друг другу руку Сольвыч Волог., 1883-1889 Курск., Дон.» [СРНГ 30: 107].

Д) Глаголы преодоления:

– *сбороть* («*Не сборошь враз, не зверь – верзила!*» [Григорьев 1990]) – «побороть, одолеть, осилить кого-л. Лихоманка сборола его. Сиб., 1858. Пек., Кал уж., Смол. Слов. Акад. 1962 [простореч.]» [СРНГ 36: 183];

– *сдолеть* («*Как пес я: чем душа полна, / И чую, да сказать не сдолю...*» [Григорьев 1990]) – «1. Осилить, одолеть кого-, что-л.; пересилить, побороть кого-л. Лебед. Тамб., 1850. Тебе его не сдолеть? Сдолею. Юрьев.-Польск. Влад. Пск. <...> Справиться с кем-, чем-л. Лебед. Тамб., 1850. <...> 2. Быть в состоянии, иметь силы, смочь делать что-л. С неопр. формой глаг. Мужик не одолеет с-под крыла подняться. Лит. ССР, 1960. Я не одолею пасть. Работать я не сдолею. Латв. ССР. Не сдолеет ходить можа, нет сил. Невельск. Пск.» [СРНГ 37: 79].

Е) Глаголы чувственного, эмоционального, психического состояния, поведения и устойчивости:

– *ерепениться* («*Зря ерепенишься, кума, / Пойми: сулит райпредседатель / Пятиэтажные дома*» [Григорьев 1990]) – «1. Держаться заносчиво, важничать, зазнаваться, чваниться. Углич. Яросл., 1820. Яросл. Твер., Рубцов

[с примеч. «больше говорят в укор»]. Олон. <...> Дон. Тамб., Курск., Пск. <...> 4. Сердиться, раздражаться, ругаться. Курск., 1848. <...> Тамб. Ворон., Ряз. А ты не ерепенься, давай добром поговорим. Будешь ерепениться, хуже будет. Пенз. Саратов., Симб., Самар., Дон., Тул., Калуж. «Ерепениться, петушиться – эти слова употребляют, когда говорят о бессильном гневе». Моск., Хавский. Смол., Пск., Твер., Яросл. <...>» [СРНГ 8: 367];

– *жалковать* («**Жалкую** только: стали редко / Мы привечать друг дружку с ней...» [Григорьев 1990]) – «1. Чувствовать жалость, сострадание к кому-либо; жалеть. Калуж., Тул., Орл., Курск., 1840. Брян., Тамб., Пенз. <...> 2. Неперех. Печалиться, скорбеть, горевать, сокрушаться. 3. Сожалеть. Не купите, будете жалковать потом. Дон., 1900. Краснодар., Ворон., Курск., Орл., Тул. Ряз., Пенз. <...>» [СРНГ 9: 65];

– *жахать* («*Жми, тракторист, да не греши – / Не жахай сталью без оглядки...*» [Григорьев 1990]) – «пугать, страшать. Южн., Зап. [?], Даль» [СРНГ 9: 87];

– *засупонить* («*Тьфу! старую как подменили, / Возьми попробуй, засупонь...*» [Григорьев 1990]) – «1. Засучить. 2. Сердиться, дуться; Осташк. Твер., Пск., 1855» [СРНГ 11: 75];

– *обрести* («*Пребудя с «ломками» в ладу, / За строки розог не обрящем...*» [Григорьев 1990]) – найти, приобрести, ср.: *обрящить* («Обрящить, щу, щись, сов., перех. и неперех. 1. Перех. Найти, приобрести, сыскать. Самар., Астрах., Даль. Где он себе такую жену обрящил! Пенз. Влад. <...>» [СРНГ 22: 227];

– *полохаться* («*И все **полохались** вокруг: / Опять князьки, как в давнем-давно?*» [Григорьев 1990]) – «1. Пугаться, бояться. Слов. Акад. 1847. Я не боюсь да не полохаюсь. Петрозав. Олон., Рыбников. Олон., Пудож. КАССР, Онеж., Север., Ленингр., Саратов., Дон., Сиб. <...> || Приходить в смятение, волноваться. Полохаться. Мать-то полохнулась: може, что случилось? <...> Сев.-Зап., 1974» [СРНГ 29: 129];

– *придурять* («– Привык, злосчастный, **придурять**, – Жалела бобыля Анюта» [Григорьев 1990]) – «1. Прикидываться дурачком, придуриваться. Вост., Даль. Придурять. Шуйск., Влад., 1912 Придурать. Нижегород., 1850 2. Говорить чепуху, болтать. Шуйск., Влад., 1912» [СРНГ 31: 197];

– *распановаться* (данная лексема отсутствует в СРНГ; «**Распановалась** вольчья сыть, / От долга совесть опростала» [Григорьев 1990]) – бесчинство, выходка, соединенная «с задором, чванством» [Штырков 2012: 40].

– *стенить* («Людской обидой **не стена**, / За долг любви, не за награду, / Изнеможенный до упаду, / Мой Мухи отыскал меня» [Григорьев 1990]) – «1. Хорошо, прочно держаться (о человеке, одежде, посуде). Вельск. Волог., 1883–1889. 2. Стоять на ногах твердо, крепко (о человеке)» [СРНГ 41: 133].

Ж) Глаголы физического воздействия или активизации действия:

– *наддать* («Я – скоком – одолел откос: / **Наддашь**, спасаясь от порухи!» [Григорьев 1990]) – «дать прибавку, придачу. Слов. Акад. 1847. Я наддам десятку. Соликам. Перм., 1973» [СРНГ 19: 227];

– *пришпарить* («А из окна Михей-балясник / Командует: – **Пришпарь коня!**» [Григорьев 1990]) – «<...> 3. Подогнать, подхлестнуть. Ну-ко пришпарь-ко лошадь-ту. Нижнетулин. Свердл, 1981» [СРНГ 32: 70];

– *яриться* («Не смог смолчать: – **Яришься** зря, / Райвласти вредный обладатель!» [Григорьев 1990]) – быть в гневе, в ярости, горячиться; «см. ярый» [Даль 4: 621].

В поэме И. Чернухина «Бел-город» выявлены только три диалектные глагольные лексемы, обозначающие физическое действие, характеризующее и человека, и представителей животного мира:

– *исть* («– Папаня, **исть!** – / Эх ты, жисть!..» [Чернухин 2014]) – «есть, кушать; сев., южн., зап. и отчасти юго-вост., напр. пенз. Тамб» [Даль, 2: 71];

– *нудить* («А над самой водой, где **нудит** коростель, / Ладит струги рабочая чья-то артель» [Чернухин 2014]) – «3. Тревожить. 5. Госковать. || 1. Выполнять трудную и продолжительную работу, выбиваться из сил» [СРНГ 21: 311];

– *хаживать* («Тут артель... и всякому / **Хаживать** не след...» [Чернухин 2014]) – неоднократно к кому-то ходить.

Прочие глаголы, встречающиеся в поэме, не являются диалектными, однако нередко отражают народно-поэтическую стилистику, соответствующую фольклорной традиции, что компенсирует их количественное несоответствие группам, выявленным в тексте поэмы «Обитель».

Прилагательные

Среди лексических диалектизмов выявлена лексико-семантическая группа «слова, означающие признак предмета», куда вошли *имена прилагательные (отыменные и отглагольные)*. Однако эта группа оказывается одной из самых малочисленных (6 лексем в поэме И. Григорьева и 3 – в тексте поэмы И. Чернухина).

В поэме «Обитель» обнаружены следующие языковые единицы:

– *зазряшный* («Теперь хоть милуй, хоть казни, / Хоть плачь – **зазряшные** печали...» [Григорьев 1990]) – напрасный; *зазряшно* («напрасно, зря. Боров. Новг., 1923–1928. Яросл., Иван. Урал.» [СРНГ 11: 97]);

– *зореванный* («О, мед-снотворное – косьба, / О, **зореванная** поляна!» [Григорьев 1990]) – относящийся к заре, от *зоревать* – «1. Спать на утренней заре. Нехай зорюет. Дон., 1929. Проводила корову (в стадо), а сама зоревать легла. Алекс. Куйбыш. Сарпин.. Красноарм. Волгоград., Краснодар., Тул. 2. В ночных поездках – давать отдых быкам во время утренней и вечерней зари. Наурская Терек., 1907. 3. Ужинать или завтракать. Дон., 1929» [СРНГ 11: 338];

– *каленный* («Сигала в небо мошкара – / Крупна, **калена** и кусуча...» [Григорьев 1990]) – «1. Горячий. Кинеш. Костром., 1846. Чай-то калёный.

Костром. Смол., Новг., <...> 2. Непослушный, упрямый, норовистый. Стой ты, калёный! – кричат на коня, который не стоит на месте. Пск., 1902-1904 <...>» [СРНГ 12: 351];

– качкий («Собаке филин подвывал, / Скрипела качкая дорога...» [Григорьев 1990]) – «топкий, зыбкий. Качкое место на болотах. Раньше было озеро, теперь затягивается мохом, идешь и качается. Краснояр., 1967 Том., Кемер. Новосиб.» [СРНГ 13: 146];

– набольшой («Фотинья – **набольшая** мне / Хоть на годок помлаже будет» [Григорьев 1990]) – «1. Непомерно большой; значительный по количеству. <...> Терек., 1908. <...> 2. Старший по положению, главный и т. п. Оренб., 1830. <...> Волхов. Ленингр., Пск. <...> [[Старший в семье. <...> Вят., 1847. Пск., Осташк. Твер. <...> Новг. <...>» [СРНГ 19: 127];

– скитский («Не вихрь завил меня сюда, / Не с перепоею завербован, / Не по решенью нарсуда – / Я **скитской** тайной приколдован...» [Григорьев 1990]) – «скитский, ко скиту принадлежащий и им свойственный. Скитская жизнь, отшельническая. Скитские угодыя» [Даль 4: 179].

В поэме «Бел-город» И. Чернухин использует следующие образования:

– аховый («Мы ребята **аховы**, / Что хошь отбахаем» [Чернухин 2014]) – «то же, что ахтительный – очень хороший, незаурядный, прекрасный. Нижегород., Даль» [СРНГ 1: 297];

– пребуяный (превосх. ст. от буйный; «Перестаньте ржать, / **Пребуяные**, / Перестаньте реветь, / Окаянные!» [Чернухин 2014]) – «буйный, озорной. Новорж. Пек., Чернышев» [СРНГ 3: 334];

– сирый («Я припас для вас / Байку скоморошью – / Правду – не указ. / Катят пушку миром. / Приотстал Егор: – / Скоморошек **сирый**» [Чернухин 2014]) – «одинокый, бесприютный, бездомный. Верхнекет. Том., 1964. Слов.Акад. 1962 [устар.]. || Вызывающий жалость, сострадание. Верхнекет. Том., 1964» [СРНГ 37: 351].

Наречия

Исследование текстов поэм выявило лексико-семантические группы слов в ряду диалектных *наречий*, имеющих синонимичные пары в литературном языке и самом диалекте. Анализируя особенности функционирования тождественных или частично тождественных по значению лексем в диалектах, В.Г. Маслов отмечал, что появление синонимов среди наречий говорит о стремлении говорящего дать определенную степень признака, интенсивность его реализации [Маслов 1994: 109]. Обнаруживается такая зависимость: «Если в паре диалектное слово имеет довольно точный эквивалент литературного языка, то частота употребления диалектного слова снижается, и синонимическая пара разрушается. Если же в паре слову литературного языка противопоставляется диалектное слово своей эмоционально-экспрессивной яркостью, конкретностью лексического значения, то такие пары довольно устойчивы» [Маслов 1994: 115]. Кроме того, на устойчивость синонимичной пары может влиять полисемантность хотя бы одного из ее компонентов.

С учетом особенностей выявленных лексем и семантического критерия классификации лексических диалектизмов формируются следующие лексико-семантические группы наречий:

А) Определительные:

1) Образа и способа действия (выражают способ, манеру, степень, интенсивность, образ действия, которые передаются глаголом, вступающие с ним в определительное словосочетание. Сюда входят наречия, отражающие качественную сторону процесса или признака, не зависимо от того, от какой части речи они образованы)

В поэме «Обитель»:

– *вдругорядь* («Ему б жениться *вдругорядь*, / Да кто пойдет за шалопута» [Григорьев 1990]) – «в другой **раз**, повторно, вторично, о Вдругоряд. Холмог. Арх., 1907. Сиб. <...> Костром. Яросл., Волог. <...> Ленингр. Новг., Влад., Калуж., Ряз., Тамб. <...>. Слов. Акад. 1957 [с пометой «устар. и обл.»]» [СРНГ 4: 89];

– *взабыль* («*Да ты и **взабыль** без стыда: / Да чтобы дом – своей рукою?*») [Григорьев 1990]) – «1. Истинно, действительно, в самом деле так. Твер., 1820. Раз., Пск., Петерб., Новг. *Взабыль* так, я сам был там и видел все это. Яросл. Печор., Олон., Север., Арх., Перм., Сиб., Иркут., Якут. <...>» [СРНГ 4: 232];

– *безвёсно* («*Зима **безвёсно** замела / Ее заботную головку*») [Григорьев 1990]) – неизвестно, не известив о себе, не подав вести. Как со стыду со страму со великого а тут этот Олешенька Попович он Уехал он без-вестно, не знают где. Пудож. Онеж., Гильфердинг [СРНГ 2: 180];

– *мирово* («*Веленье века **мирово**: / Деревня – в город, город – в поле*») [Григорьев 1990]) – «1. Много, очень много чего-либо. = М и р о в о. Сольвыч. Волог., 1839. = Мирowo [удар.?]. Мирowo сколько! У нас мирowo сена родилось. Север., Даль [с примеч. «особенно в виде удивления»]. <...> 4. В знач. безл. сказ. Удобно, хорошо. Мне здесь мирowo. Курган., 1962» [СРНГ 18: 172];

– *оголтело* («*К ним кум Михей, уполкомзаг, / Стучался в двери **оголтело**...*») [Григорьев 1990]) – от *оголтелый* («Оголтелый, а я, о е. 1. Непослушный, упрямый. Рыльск., Судж. Курск., 1849., Курск. 2. Озорной, непоседливый. Курск. Ворон., Ряз., Даль. Симб. Оголтелый вырос! Пенз. 3. Вздорный, сумасбродный. Курск., 1893. Орл. Надоедливый. Курск., 1849. 5. Ленивый. Бобр. Ворон., 1967. 6. Небрежный. Симб., Симб.») [СРНГ 22: 326];

– *понарошке* («*Не **понарошке** – в самом деле, / Едва потемки поределли, / Возник в саду звериный рев*») [Григорьев 1990]) – «1. Временно, непостоянно, кое-как. Мы ведь в мазанке-т понарошке живем, мы строиться будем. Р.Урал, 1976. || Изредка, понемногу. Понарошке-понарошке, а все-таки чеснок съели. Р.Урал, 1976. <...>» [СРНГ 29: 247];

– *росяно* («*И звала родина: «Ау-у ..» – / Синё, печально и **росяно**...*») [Григорьев 1990]) – «росисто, обильно покрыто росой. Смол., 1914» [СРНГ 35: 202];

– *синё* («*И звала родина: «Ау-у ..» – / Синё, печально и росяно...*» [Григорьев 1990]) – «темно. А тут совсем сине, во какой ветер, такая подыметя погода. Галич. Костром., 1975» [СРНГ 37: 322];

– *зазряшно* («*Зазряшно не блукать в далях, / Не ждать с верхов небесну манну*» [Григорьев 1990]) – «напрасно, зря. Боров. Новг., 1923–1928. Яросл., Иван. Урал.» [СРНГ 11: 97].

В поэме «Бел-город»:

– *зазря* («*Царь тихой не зазря / Гонит из Московии – Самого, видать, царя Шибко беспокоят*» [Чернухин 2014]) – «напрасно, зря. Боров. Новг., 1923–1928. Яросл., Урал.» [СРНГ 10: 97];

– *зело* («*Ты полегче, дядя, – / Скоморох дрожит, – / Я зело был, дядя, / За такое бит*» [Чернухин 2014]) – зло [СРНГ 11: 253];

– *знамо* («*Куда ты, Егорушка, / А мы-то как? – / Знамо дело – не в кабак*» [Чернухин 2014]) – «известно. Пек., Осташк. Твер., 1855» [СРНГ 11: 308];

– *негоже* («*Завсегда, Егорий, / Я с тобой готов, / Только так негоже, / Так – за будь здоров!*» [Чернухин 2014]) – «1. Плохо, негодно. Арх., 1885. Пинеж. Арх. Пошех. Яросл., 1849. Судог. Влад.» [СРНГ 20: 376];

– *яро* («*Стонет рать от топоров, / И дымятся раны. / От домов, как от кастров / Дышит яро жаром*» [Чернухин 2014]) – «1. Будучи полным ярости [ярость 1.], гнева; отг. перен. С большим рвением (об отношении к работе). 2. Перен. Будучи чрезмерным в проявлении; яростно. 3. Неистово, неукротимо. 4. Перен. разг. Делая что-либо с увлечением; яростно» [Ефремова].

Б) Меры и степени (выражают количественную характеристику действия, свойства, состояния, указывают на интенсивность действия и

состояния или степень качества и признака, определённую протяжённость, размеры действия в абстрагированном виде):

«Обитель»:

– *всклень* («Досталось бабам и детишкам: / На фронте – **всклень**, в тылах – с излишком...» [Григорьев 1990]) – «очень полно, доверху, вровень с краями (наливать, наполнять и т.п.). Всклень. Налить **всклень**. Пенз., 1852. Всклень было, зачем отлил? Не наливай **всклень**: прольешь. Пенз. Тамб. Налей мне **всклень** стакан вина. Наложил **всклень**. Саратов. Шигон. Куйбыш., Ряз., Пск. Всклен. Твер., 1904–1914» [СРНГ 5: 201];

– *дюже* («–Ты прочитал мои склады? – / Спросил меня Калинин смиренно. – / Не **дюже** много там воды?» [Григорьев 1990]) – «1. Очень, сильно, весьма. Пошех. Яросл., 1849. Яросл., Волог., Кирил. Новг., Новосил. Орл., Красно-уф. Перм. Дюже. Тул., 1820. Тул., Филин [с примеч. «весьма употребительно. Наречие «очень» в старом говоре неизвестно], 1933. Меленк., Судог. Влад., Калуж., Ряз., Иван., Пенз., Тамб., Астрах., Кубан., Ростов., Дон., Краснодар. Сев. Кавк., Терек., Саратов. <...> Пск., Твер., Новг. Петрогр., Ленингр., Арх., Олон., Вят., Казан. <...>» [СРНГ 8: 301];

«Бел-город»:

– *боле* («Мужик, хорохорясь орёт. / Отвечает старшой: – Православный народ. / И не спрашивай **боле**, мужик, ни о чём» [Чернухин 2014]) – больше, более [Ефремова];

– *невмочь* («Пулей щепь летела прочь / Далеко и резко, / А коньки... / Глядеть **невмочь**. / Хоть ищи уздечки» [Чернухин 2014]) – «то же, что невоготу» [Ожегов];

– *шибко* («Царь тихой не зазря / Гонит из Московии – / Самого, видать, царя / **Шибко** беспокоят» [Чернухин 2014]) – «1. Нареч. к шибкий. Кони **шибко** понесли коляску под изволок. Шолохов. Живей рубанок, **шибче** шаркай. Казин. 2. Очень. **Шибко** ударился. **Шибко** болен» [Ушаков].

В) Обстоятельственные:

1) места:

в поэме «Обитель»:

– *окрай* («*И хмарь покоит до поры / Два озера **окрай** деревни...*» [Григорьев 1990]) – «на самом краю, скраю. Окрай живет. Пск., Осташк. Твер., 1855. Окрай уголь жгли, была речка, ну, не речка, а канава. Ряз.» [СРНГ 23: 161];

– *впрям* («*Идти бы **впрям**, да спесь-то – вбок...*» [Григорьев 1990]) – «прямо, вертикально. Сев.-Длин., 1928. 2. Прямо, откровенно. Если хочешь – впрям скажу (частушка). Пск., Твер., Смол. Смол., Копаневич» [СРНГ 5: 181];

– *тута* («*Выходит, **тута**, соловьи!*» [Григорьев 1990]) – «1. В месте, куда показывает говорящий (обычно с указательным жестом). Даль. Олон., 1885–1898. <...> Волхов. Ленингр., 1954. <...> Пск. Прибалт., Смол., Моск., Ряз., Тул., Орл., Курск., Ворон., Нижегород., Костром., Пенз, Сталингр., Вят. <...>» [СРНГ 45: 291];

в поэме «Бел-город»:

– *на юру* («*Хоронили **на юру**, / Где берёзы с грустью, / Словно гуси на ветру / Вознеслись над Русью*» [Чернухин 2014]) – «1. На открытом возвышенном месте» [Ефремова];

2) времени:

в поэме «Обитель»:

– *загодя* («*И кем ее? Заменишь нешто! / Вот и тревожусь **загодя**...*» [Григорьев 1990]) – «загодя, заранее. Курск., Орл., 1947-1960. Загоди. Мещов. Калуж., 1892. Моск., Смол., Щигр. Курск., Ливен. Орл., Дон. Загоди. Малоарх. Орл., 1852. Орл., Даль. Тулун. Иркут.» [СРНГ 11: 14];

– *вмале* («*Пьют «бормотуху» – жрут чуму / И в чинном возрасте, и **вмале**...*» [Григорьев 1990]) – «в малости, в безделице, в ничтожной вещи». Кто вмале верен, и в велике верен. Север., Вост.[?], Даль.» [СРНГ 4: 321];

– *вчера* («***Вчера**с чуть трахтур не утон. / Гляди-ка, не нажить бы худа...*» [Григорьев 1990]) – «вчера. Твер., 1880. Пек. Вчера только в

меня куплена в магазине эта мука. Йыгев., Тарт. Эст. ССР., Новг., 1911.» [СРНГ 5: 241];

– *не даль* («*Всем предназначенный аршин, / Коль выпал час, отметить надо: / Уже не даль мне до заката*» [Григорьев 1990]) – «сравнительно небольшое расстояние» [Даль 1: 368],

– *доколе* («*И я, доколе не умру, / Не позабуду той отравы*» [Григорьев 1990]) – «до каких пор. Тихв. Новг., 1852. Рыб. Яросл., Холмог. Арх.» [СРНГ 8: 96];

в поэме «Бел город»:

– *допрежь* («*Опусти на землю меня. / Час мой смертный рядом... / Береги допрежь коня! – / Брось, Егор, не надо*» [Чернухин 2014]) – «сперва, раньше; прежде. Верейск. Моск., 1852. Моск., Калуж., Орл., Тул., Курск., Воронеж., Астрах. Пек., Смол. Ряз., Твер. Пенз. Яросл., Костром., Влад., Арх., Сев.-Двин. Олон. Волог. Вят., Смирнов. Перм., Ср.Урал., Том., Акм., Крас-нояр., Енис., Забайк., Амур.» [СРНГ 8: 128];

– *завсегда* («*Плотники и воинство / Завсегда дружны*» [Чернухин 2014]) – «всегда. Козьмо-демьян., Ядрин. Казан., 1852. Корсун. Симб., Рыб. Яросл., Брян., Грязов. Волог., Новг.=Завсёг-ды. Вышневол. Твер., Арх., Олон., Сев.-Двин., Новг. Волог. Пек. Смол. Тул., Пенз., Влад., Ворон., Тамб., Дон., Перм., Иркут.» [СРНГ 9: 342];

3) цели:

в поэме «Обитель»:

– *нашто* («*Нашто те в городе улей?*» [Григорьев 1990]) – «зачем, для чего. Начто. А начто давала ей носить ботинок?» [СРНГ 20: 291];

в поэме «Бел-город»:

– *почто* («*Всем нам, Господи спаси, / Дом острожный снится... / Ты почто сбежал с Руси? – / Вор али убивца?*» [Чернухин 2014]) – «1. Зачем, с какой целью, для чего. Забайкалье, Амур., Енис., Том., Алт., Новосиб., Сиб.,

Урал, Свердлов., Южн. Урал, Перм., Иван., Влад., Костром., Яросл., Арх., Мурман., Твер., Пск., Ворон.» [СРНГ 31: 20].

Отметим, что в отношении употребления наречий авторы в равной степени используют как общерусские разговорные формы (например, *тута, негоже, шибко, боле, невмочь*), так и диалектные единицы (*вмале, допрежь, всклень*), поэтому качественное сопоставление провести затруднительнее, чем в количественном: **19** раз такие словоупотребления встречаются в поэме И. Григорьева и **12** – в поэме И. Чернухина, причем ЛТГ определительных и обстоятельственных наречий оказываются соотносимы между собой, что демонстрирует единство авторских творческих установок.

Междометия, частицы, вводные слова

В систему способов репрезентации прагмасемантического потенциала диалектной системы языка включены и *междометия, частицы, вводные слова*, ведущая область функционирования которых – разговорная речь, так как выразить чувства (а смыслоопределяющим элементом в междометиях является интонация) в наибольшей степени позволяет исключительно устная форма коммуникации.

Междометия, междометные выражения, частицы, вводные слова, функционирующие в рассматриваемых поэмах, условно распадаются на несколько лексико-семантических групп.

Эмоционально-оценочная группа в поэме «Обитель» включает одну лексему: *охти* («Беда-бедяна, *охти*, муки!» [Григорьев 1990]) – междометие. «Употребляется для возражения. Охти, как вы поварите» [СРНГ 25: 54].

В поэме «Бел-город» эта группа представлена более широко:

– *вишь* («Чует сердце – эта ночь, / Ноченька последняя... – / Самому мне, *вишь*, невмочь, / Зорька моя летняя!» [Чернухин 2014]) – водное слово. Выражает удивление, недоверие, досаду и т. п.; видишь, видишь ли, видите ли;

– *ишь* («Жалко, Гришка, жалко, брат, / **Ишь** как полыхает...» [Чернухин 2014]) – частица. Еще. Колом. Моск., 1904 [СРНГ 12: 276];

– *кабы* («Эх, **кабы** теперь домой, / Разъядрёна муха! – / ...Нет, не зря полынь-травой / Пахнет медовуха...» [Чернухин 2014]) – модальная частица. Чтобы, пусть. Лебед. Тамб., Архив., Шенк. Арх., 1920 [СРНГ 12: 287];

– *ой* («**Ой** ты Поле, Поле, Поле, / **Ой** ты, Полюшко!.. Не одну сняло ты, Поле, / Буйную головушку» [Чернухин 2014]) – междометие. В былинах и песнях: для пополнения стиха или для подчеркивания идущих после него слов. [СРНГ 23: 103];

– *право* («Как живые...Красота!.. / Сердце замирает, / Ублажил до живота – / Чистый дьявол, **право!**» [Чернухин 2014]) – вводное слово. Ейск., Кубан., Перм., Волог., Твер., Орл. [СРНГ 31: 59];

– *ужо* («Ты **ужо**, Егор, терпи – / В час артель догоним» [Чернухин 2014]) – усилительная частица. Употребляется для усиления, подчеркивания значительности указанного обстоятельства или названного действия; уже [СРНГ 46: 347].

Группа **вопросительных** единиц в поэме И. Григорьева отсутствует, а в тексте И. Чернухина выявлены следующие языковые факты:

– *али* («Всем нам, Господи спаси, / Дом острожный снится... / Ты почто сбежал с Руси? – / Вор **али** убивца?..» [Чернухин 2014]) – вопросит, частица. Разве, или, неужели, что ли. Обоян. Курск. [СРНГ 46: 347];

– *неужель* («Глаза мужичьи темны, как ночь: – / Господи! **Неужель** не можешь помочь?..» [Чернухин 2014]) – частица. Неужели. Олон., Волог. [СРНГ 46: 347];

– *неужто* («Погоди ты, не спеши – / Далеко до зорьки. / Да **неужто** нет души / У тебя, Егорка?» [Чернухин 2014]) – частица. Неужели. Горбат. Пижегор., 1854. Клин. Моск. [СРНГ 21: 191].

Тожество не обнаруживается и при рассмотрении группы **императивных единиц, выражающих пожелание, требование, вероятность**. В поэме «Обитель» мы выявили три таких лексем:

– *геть* («Аленка, Рита, с печки *геть!*» [Григорьев 1990]) – междометие. Требование, пожелание уйти, отодвинуться и т.п. [с опущением глагола]. Тимск. Курск., 1898» [СРНГ 6: 167];

– *кось* («Гляди-кось, лыкодеры прут: / Еще четверка на дороге...» [Григорьев 1990]) – постпозитивная частица. Употребляется после глагольных форм повелительного наклонения, после глаголов изъявительного наклонения в значении повелительного, при словах и выражениях междометного характера в значении повелительного наклонения, после наречий со значением места действия, местоимений. *Гляди-кось сюда*. Новг., 1897. *На-кось*. Яросл. Костром., Онеж. КАССР. <...> Великоуст. Волог., 1897. Углич. Яросл., Костром., Камышл. Свердл., Брон. Моск. [СРНГ 15: 95];

– *поди* («Сидишь на хлебе и воде: / **Поди**, с деньжатами хреново?», «**Поди**, и сам не позабыл: Ленок под снег похоронили» [Григорьев 1990]) – междометие. 1. Ответ на приветствие. Р. Урал, 1976. 2. Выражает предупреждение. Не упадь поди! Южн. Урал, 1968. Сиб. 3. В сочетаниях, Вот (и) поди, под и вот. Выражает удивление, изумление. [СРНГ 28: 54].

В поэме «Бел-город» – имеется всего одна подобная единица:

– *слышь* («Что глядишь неласково, / Дорогой гостёк?.. / **Слышь**, Егор, в честь Маслова / Сотвори конёк,» [Чернухин 2014]) – вводное слово. 1. Имей в виду, послушай. С., он правду говорит. Они, слышь-ка, часто встречаются. 2. Кажется, как будто. Он, с., сам придёт. Слышь ты, вводн. то же, что слышь, слышь-ка. Он, слышь ты, правду говорит [Ожегов].

В целом анализ показывает, что языковой картине мира И. Григорьева свойственно тяготение к использованию ярких диалектных служебных частей речи и междометий, что компенсирует их малое количество в сравнении с аналогичными словоупотреблениями в поэме И. Чернухина, для которого справедливо отметить преобладание общерусских форм, подвергнувшихся диалектной «обработке» (например, графически фиксируется редукция конечного гласного, который в русском литературном языке таких изменений

не претерпевает: *неужель – неужели*). Отмечаем лексемы, свойственные в большей степени фольклорной традиции, что следует из сопоставления со схожими конструкциями фольклорных произведений и известных литературных памятников. Например, наличие в предложении сочетания-рефрена «ой ты» («**Ой ты** Поле, Поле, Поле, / **Ой ты**, Полюшко!.. / Не одну сняло ты, Поле, / Буйную головушку» [Чернухин 2014]) соотносимо с фольклорным рефреном «Гой ты...» («в былинах и песнях: для пополнения стиха или для подчеркивания идущих после него слов» [СРНГ 23: 103]). Также автор использует традиционные фольклорные формулы: «буйная головушка». Ту же фольклорно-поэтическую коннотацию содержат лексемы *ужо*, *али*, *кабы*, а включения *вишь*, *слышь*, *ишь*, *право* больше тяготеют к разговорному стилю изложения, равно как и в поэме И. Григорьева: *поди*, *кось*, *геть*, *охти*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования нами было осуществлено разноаспектное описание территориально ограниченных и народно-разговорных лексем, функционирующих в поэмах И. Григорьева «Обитель» и И. Чернухина «Бел-город».

В преломлении к фактическому материалу осмыслены понятия «диалектизм», «этнографизм», «диалектная лексика», их отличительные признаки, рассмотрена общепринятая в лингвистике классификация диалектизмов и этнографизмов, взятая за основу изучения фактического материала (с последующим введением дополнительного классификационного признака по семантическому принципу, с выделением лексико-семантических групп), а также представлены статистические данные.

Описание более 220 диалектных единиц, выявленных в исследуемых произведениях, позволяет сделать ряд выводов, характеризующих язык авторов и их индивидуальную картину мира.

Фонетические диалектизмы представлены следующими фактами:

- сохранение в говорах архаичных фонетических явлений: полногласие (*ворог*), неполногласие (*власы, град*) и т.п.;
- чередования звуков, обусловленные присутствием или, наоборот, отсутствием палатализации (*земь, припужать*), с последующим изменением морфемной структуры слова;
- комбинаторные фонетические явления: метатеза (*медведь* → *ведьмедь*), диэреза (*ишиас* → *ишас, караул* → *краул, черёмуха* → *черёмха*), ассимиляция, диссимиляция (*некрещеные* → *нехрещеные, трактор* → *трахтур*);
- проявление фонетического принципа в отражении произношения слов на письме (*кого – ково*);
- смещение акцентологической нормы (*документ, забрала, родный*).

Среди **словообразовательных** диалектизмов были выявлены слова с меньшим количеством морфем по сравнению с литературным вариантом и

слова с большим количеством морфем, чем в литературном языке, изменения в которых происходят несколькими путями:

- утрата аффиксов (*виновных* – **винных**, *детвора* – **детва**, *пожалуйте* – **пожалте**);
- изменение аффиксов (*воочию* – **воочьо**, *неминуемый* – **неминучий**, *узнать* – **вызнять**);
- присоединение аффиксов (*очень* – **оченно**, *парни* – **парнятки**, *встреча* – **повстречанье**, *по-русски* – **по-русскому**).

Грамматические диалектизмы, функционирующие в поэмах, демонстрируют многообразие особенностей, которые касаются всех лексико-грамматических разрядов:

- появление у существительных-плюративов форм единственного числа (*деньги* – **деньга**) и наоборот: у существительных с традиционной числовой парадигмой – особых форм множественного числа (*друзья* – **друзи**, *ворота* – **вороты**);
- субстантивация (*жаль* – **являют жаль**, *прямо* – **вбок от пряма**);
- аппелятивизация (*михеи*, *егории*);
- изменение категории рода существительного (*фрукт* – **фрукта**);
- разрушение категории среднего рода, свойственное русским говорам в целом (*паникадило* – **паникадила**);
- переход существительных женского рода 3-го склонения в более продуктивное 1-е склонение (*жизнь* – **жизня**);
- в области глагольной лексики: употребление особых форм глаголов повелительного наклонения с редуцированным суффиксом (*предъявь*, *поцирь*, *сходь*, *ходь*), образование формы повелительного наклонения от диалектного словообразовательного варианта глагола (*подмогнуть* > **подмогни-те**); употребление возвратных глаголов и глагольных форм с нередуцированным постфиксом (*заждалася*, *впрягшися*), использование диалектных форм прошедшего времени глаголов (*побѣг*, *сбѣг*);

– наличие стяженных форм прилагательных, свойственных языку фольклора (*полну совесть, сиреневы деньки*); образование не существующих в литературном языке форм сравнительной степени прилагательных (*лихой – лишее*).

Анализ **лексических** диалектизмов и этнографизмов представлял трудность, связанную с омонимией и полисемией, что потребовало учета контекста. Поэтому формирование лексико-семантических групп было условным – вне контекста или в другом контексте результат мог иметь иной вид. Поэтому в данном исследовании мы лишь указываем все известные (по данным СРНГ) значения (актуализирующееся в тексте поэмы в словарной дефиниции выделяется нами особо – подчеркиванием), а затем определяется, к какому классу может быть отнесено актуализированное значение многозначного слова (лексического диалектизма или этнографизма).

В результате были выделены следующие группы:

– в ряду **существительных** вычленены следующие лексико-тематические группы:

- **«Человек»** (здесь отражается закономерность преобладания негативно окрашенных языковых единиц над лексемами с положительной коннотацией), напр.: *бедун, бедунья* – человек, терпящий беду, *воркунец* – тот, кто ворчит, ворчун, *брюзга, вяхирь* – вялый, неуклюжий человек, *дока* – колдун, знахарь, *одра* – худой, тощий человек, *прокурат* – весельчак, балагур и т.д.;

- **«Природа»**, напр.: *жерлянка* – лягушка, *комель* – корень дерева, *лешуга* – яблоко дикой яблони и т.д.

- **«Быт»**, напр.: *дянки* – варежки, *малахай* – широкий кафтан без пояса, *рига* – большой сарай с печью и пр.

- **«Соматизмы»**, напр.: *гонь* – собачий хвост, *мурло* – морда животного.

- **«Абстракции»**, напр.: *перекувырки* – суета, беготня, *привада* – повадка, потворство, *решка* – смерть.

Выявлена принадлежность большей части исследуемых единиц (около 80%) к лексическим диалектизмам, 20% лексем соответствуют характеристикам этнографизмов. Кроме того, замечено, что многозначные слова при потенциальной актуализации значения, не реализованного в тексте, могут переходить из группы лексических диалектизмов в этнографизмы, и наоборот.

– в области **глагольной лексики** выявлены диалектные **глаголы со значением движения** (напр.: *вихляться* – качаться из стороны в сторону, *опростать* – освободить помещение); **глаголы ЛТГ «Сельскохозяйственные работы»** (*оратать* – пахать, *сказнить* – срубить и др.); **религиозно-обрядовые глаголы** (*окститься* – перекреститься); **глаголы приветствия, приближения, встречи** (напр., *поручкаться* – поздороваться); **глаголы преодоления** (напр., *сбороть* – преодолеть); **глаголы чувственного, эмоционального, психического состояния, поведения и устойчивости** (напр.: *жахать* – пугать, *стращать*, *засупонить* – сердиться, *дуться*); **глаголы физического воздействия или активизации действия** (напр., *пришпарить* – подогнать, *подхлестнуть*);

– в ряду **прилагательных** обнаружено всего несколько единиц, которые отличаются яркой диалектной окраской (напр.: *каленный* – непослушный, упрямый, *норовистый*, *качкий* – топкий, *зыбкий*);

– среди **наречий** выявлены следующие группы:

- **определятельные** (образа и способа действия, меры и степени), напр.: *вдругорядь* – вторично, *зело* – зло, *всклень* – доверху, очень полно;

- **обстоятельственные** (места, времени, цели), напр.: *загодя* – заранее, *вмале* – в малости, в безделице, в ничтожной вещи, *допрежь* – сперва, раньше;

– среди диалектных **междометий**, вводных слов и частиц вычленены **эмоционально-оценочные** (напр., *охти*, *ишь*, *ужо*), **императивные** (напр., *али*, *неужто*), **вопросительные** (напр., *геть*, *кось*).

При анализе количественного соотношения анализируемых единиц в поэмах «Обитель» и «Белгород» выявляются существенные различия между

авторами: если И. Григорьев более активно использует территориально ограниченную лексику (практически все классификации, выведенные в работе, основаны, в первую очередь, на материале поэмы «Обитель»); поэтому единицы, взятые для анализа в поэме «Бел-город» чаще соотносились с уже обозначенными классификациями), то И. Чернухин больше ориентирован на создание народно-поэтической тональности за счет общерусских разговорных лексем (в том числе устоявшихся фразеологических, стилистических, синтаксических формул), больше тяготеющих к былинному, сказовому повествованию, тогда как у И. Григорьева в этом аспекте соблюдается баланс.

Это говорит о том, что при выбранной народно-поэтический характер поэ не ограничивает поэтов скупым набором художественных средств, а по-прежнему позволяет, выбирая наиболее близкие творческому сознанию пути обогащения поэтического текста, формировать идиостиль, объемную, многогранную картину мира, в том числе языковую.

В целом можно утверждать, что диалектная, народно-разговорная лексика и этнографизмы занимают особое место в языке обеих поэмах. Это не просто языковые инкрустрации, служащие для передачи местного колорита и отдельных речевых характеристик персонажей, а целая система, обнаруживающая богатую внутреннюю структуру и репрезентирующая установку авторов, хотя и представляющих разные регионы страны, все же пишущих об одном: любви к малой родине, ее истории и переживаниях за ее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Богин Г.И. Типология понимания текста / Г.И. Богин // Общая психоллингвистика: учебное пособие / составление К.Ф. Седова. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
3. Болотнова Н.С. Язык художественной литературы / Н.С. Болотнова // Стилист. энцикл. сл. русского языка / Н.С. Болотнова; под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 651–656.
4. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
6. Воронцова Т.А. Элементарная стилистика: учеб.-метод. пособие / Т.А. Воронцова. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2008. – 130 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль – СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1863–1866.
8. Диброва Е.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб.заведений. В 2 Т. Ч.1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование. / Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина, И.И. Щеболева; под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 480 с.
9. Дубровина С. Ю. Состав и системная адаптация лексики православия в русских диалектах (на материале тамбовских говоров) / С.Ю. Дубровина. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2012. – 212 с.
10. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский

язык, 2000. – URL: <https://www.twirpx.com/file/220844/> (дата обращения 7.04.2019).

11. Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: словарь-справочник / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2012. – 128 с.

12. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

14. Квятковский А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 376 с.

15. Кошарная С.А. К вопросу о концептуальном анализе / С.А. Кошарная // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2012. – №3-2 (23). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kontseptualnom-analize> (дата обращения: 24.10.2017).

16. Кошарная С.А. Миф и язык / С.А. Кошарная. – Белгород: Из-во БГУ, 2002. – 287 с.

17. Кошарная С.А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса "Человек – Природа" в русской языковой картине мира : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 Белгород. гос. ун-т. / С.А. Кошарная. – Белгород, 2002. – 45 с.

18. Кравцов С.М., Голубева А.Ю. Субстантивация на основе служебных слов как узуальный вид конверсии (на материале русского и французского языков) / С.М. Кравцов, А.Ю. Голубева // Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». – Ростов-на-Дону: Дониздат, 2016. – Вып. 6. – С. 92–96.

19. Крысин Л.П. Русское слово свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
20. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Р.И. Кудряшова – Волгоград: Перемена, 1998. – 64 с.
21. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
22. Лихтенштейн Е.С. Слово о книге: афоризмы, изречения, литературные цитаты / Е.С. Лихтенштейн. – М.: Книга, 1984. – 560 с.
23. Маслов В.Г. О парных синонимах в говоре (на материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области) / В.Г. Маслов // ЛАРНГ (Материалы и исследования). – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994. – С. 107–115.
24. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Общая и частные классификации: терминологический словарь / В.П. Москвин. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 944 с.
25. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. – М.: Русский язык, 1985. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1022281/> (дата обращения: 7.04.2019).
26. Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров / И.А. Оссовецкий. – М.: Наука, 1982. – 200 с.
27. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект / В.А. Пищальникова. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1992. – 73 с.
28. Поэт и Воин: воспоминания об Игоре Григорьеве. – СПб.: Политехника-сервис, 2013. – 463 с.
29. Русская диалектология / под. ред. Н.А. Мещерского. – М.: Высшая школа, 1972. – 304 с.
30. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складаревская. – СПб.: Наука, 2004. – 152 с.

31. Словарь русских народных говоров. Т. 1-47. – М.-Л.: Наука, 1965–2014.
32. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1 / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1985. – 703 с.
33. Старых О.В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка / О.В. Старых // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. – 2011. – №24. – С.80–85.
34. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., Академический проект, 2004 – 991 с.
35. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 333 с.
36. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира / Т.В. Топорова. – М.: Радикс, 1994. – 190 с.
37. Ушаков Д.Н. Толковый словарь: в 4 т. [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков. – М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935-1940. – URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 7.04.2019).
38. Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы: очерки / А.В. Федоров. – Л.: Советский писатель, 1983. – 352 с.
39. Четверикова О. В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / О. В. Четверикова. – Тверь, 2012. – 53 с.
40. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: (к постановке проблемы) / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1977. – 167 с.
41. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
42. Штырков С.А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины) / С.А. Штырков. – СПб.: Наука, 2012. – 228 с.

Источники фактического материала

43. Григорьев И. Н. Вьюга. Поэма [Электронный ресурс] / И.Н. Григорьев. – Л.: Издательство Ленинград, 1990. – URL: <https://www.stihi.ru/2015/08/27/2011> (дата обращения: 7.04.2019).

44. Чернухин И. Запах огня: книга избранных стихотворений [Электронный ресурс] / И. Чернухин. – Белгород: КОНСТАНТА, 2014. – URL: <http://literabel.ru/books/igor-chernuxin/1959-bel-gorod-поэма-.html> (дата обращения: 7.04.2019).